

A romantic couple, a man and a woman, are shown in a close embrace. Both are wearing white button-down shirts. The man, on the left, has dark, wavy hair and a light beard, looking intensely at the camera. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is looking towards the camera with a slight smile. The background is softly blurred, suggesting an indoor setting with light coming from a window.

Несерьезные ОТНОШЕНИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Марья Триневская

18+

Марья Гриневская

Несерьезные отношения

<https://litres.ru/72112720>

SelfPub; 2025

Аннотация

Полине давно не восемнадцать. Детей нет и не предвидится, муж ушел к другой.

Семейный бизнес? Деньги? Все теряет смысл, когда привычная, выстроенная годами жизнь рушится. Как жить дальше?

1. Отпраздновать развод и завести себе молодого любовника.
2. Уйти с головой в работу.
3. Ни за что не влюбляться, никаких серьезных отношений!

История подруги Даши из "Удобная"

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	63
Глава 12	69
Глава 13	76
Глава 14	83
Глава 15	89
Глава 16	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Марья Гриневская

Несерьезные отношения

ПРОЛОГ

Я открываю глаза.

Мне больно. Свет бьет наотмашь. Жмурюсь и продолжаю лежать. Я жива, но это сейчас меня не особо радует. Мне бы выйти отсюда побыстрее, чтобы разгрести то, что осталось от моей счастливой жизни.

Развод. Первое, что я сделаю — подам на развод. Жить с этим уродом больше не буду ни дня! Пусть убирается к своей Олеся! Имя-то какое дурацкое — Леся, Олеся, Лесенька. Интересно, как он ее называет? Нет, стоп, не интересно. Тьфу, мерзость!

— М-м-м... — срывается с моих губ, когда я пытаюсь пошевелиться.

Резкая боль скручивает низ живота. Почему же мне так больно?! Неужели не могут обезболить?! Это же средневековые пытки какие-то! Обезбольте меня еще на денек, пожалуйста!

Надо позвать медсестру. Открываю рот, чтобы крикнуть, но изо рта вырывается только тоненький писк. Черт, что же делать?! Мозг в посленаркозном состоянии никак не запус-

кается, вяло перемалывает мысли и вместо помощи и полезной информации, подкидывает всякую ерунду.

Кнопка! Точно, мне же говорили о ней до операции! Где же этот спасительный девайс? Вроде должен быть над головой. Провожу рукой по изголовью кровати. Ура, я спасена! Слышу неприятный пищащий звук из коридора. Это я? Отлично!

Так, на боль пожалуюсь. Что еще? Сильно болит голова, и пить... Очень хочется пить.

Делаю еще одну попытку открыть глаза. Пространство плывет в каком-то сферическом объемном калейдоскопе, то складываясь в знакомые картинки, то рассыпаясь в жуткие психоделические орнаменты.

— Как себя чувствуете, Полина?

— Плохо, — честно признаюсь я. — Боль сильная. Голова раскалывается, и во рту все пересохло.

— Пить уже можно. — Медсестра отходит к столику и наливает мне стакан воды.

Пытаюсь привстать, чтобы забрать стакан, но резкая боль тут же вынуждает меня лечь на подушку.

Бесит! Все бесит и злит невероятно! Вынужденно принимаю помощь медсестры и жадно глотаю воду. Хотя что-то приятное. Облизываю пересохшие губы и мысленно делаю пометку: попросить Дашку привезти гигиеническую помаду.

Ну вот, часть моих проблем решена. Теперь жду врача, он расскажет, как все прошло, и даст добро на спаситель-

ный укол. Молоденькая девочка продолжает суесться вокруг меня и вроде бы искренне все делает, спрашивает, помогает, а меня раздражает.

Сколько ей? Двадцать? Больше? Нет, не больше. Рассматриваю ее из-под полуопущенных век. Максимум двадцать два. Да, так и есть, прям как Женькиной Олесе. Такие всем нравятся. Молодые, свежие, здоровые. Наследник нужен — пожалуйста, держи, целую футбольную команду. Девочку муж захотел? Один щелчок пальчиками — и тройня белокурых принцесс с кудряшками и голубыми глазами уже выходит с конвейера.

Суки! Ненавижу!

Слезы заполняют глаза и только и ждут, когда я моргну и они смогут побежать водопадом по щекам. Сквозь пелену вижу капельницу и цепляюсь за нее взглядом. Она не раздражает. Наблюдаю, как пузырик вырывается из воздушного клапана, а капля раствора замирает в корпусе капельницы, чуть задерживается и падает. Монотонность успокаивает. Шмыгаю носом, прогоняя слезы. «Ты сильная, Полин, — уговариваю себя. — Во всем есть свои плюсы. Ищи их. Теперь никто не будет требовать от тебя наследников, никаких таблеток и гормональных уколов, никакой вины и страха, что все закончится в онкологическом диспансере. Чем не плюс? Да это просто огромный плюсище!»

Хватит, наигрались! Не плачу, держусь, но в груди горит, словно туда кислоты налили. Боль сдавливает, словно тиска-

ми, и я не справляюсь. Меня, кажется, накрывает истерика — какая по счету за последние сутки, не помню, но в этот раз даже слез нет. Меня сгибает пополам, больно, но я лишь молча открываю рот и пытаюсь ухватить пересохшими губами побольше воздуха.

Медсестра начинает суетиться, нажимает на какую-то кнопку, и в палату вбегает врач. Смотрит на меня, на приборы и что-то пишет в назначениях. Ничего не понимаю из их разговора, кроме того, что сейчас мне помогут. Обязательно помогут. Вернут мой мозг обратно в полурабочее состояние, потому что я не хочу в реальность, не хочу все вспоминать!

Глава 1

Семь лет назад...

— Женька, ты скоро домой? — почти кричу я в трубку.

— Через час, может, раньше. Поль, что-то случилось?

— Нет-нет, жду просто.

Откладываю телефон. Через час. Смотрю на часы, проверяю, все ли готово, и иду переодеваться. Сегодня у меня для него сюрприз, суперновость: я беременна! Мы с Женей давно думали о детях. Помню, как он сразу после свадьбы заявил: «Никаких таблеток, теперь мы — семья, а значит, у нас будут дети». Первый год ждали с нетерпением, что вот-вот получится, и каждый раз расстраивались, не увидев на тесте заветной полоски. Второй — уже спокойнее. Как говорил Женя, надо отпустить проблему и не думать о ней, и мы не думали, даже не предохранялись. И вот он, результат!

Подумать только, три года мы вместе! Три!

Надеваю лучшее платье и глажу себя по животу, касаюсь груди. Пока еще ничего не изменилось, но скоро, очень скоро увеличится грудь. Животик станет заметен потом, месяца через три-четыре. Кручусь перед зеркалом и улыбаюсь своему отражению. Это даже хорошо, что получилось сейчас. Мы наконец-то встали на ноги, с деньгами стало посвободнее. Женька открыл свой первый ресторан, ведет переговоры об открытии сети кофеен. Работы, конечно, много: провер-

ки, ремонты, закупки, персонал, а уж командировок сколько! Мотаемся по очереди, чтобы и здесь вопросы решались, и с новыми партнерами связи поддерживать. Вместе мы — сила, мы со всем справимся!

В сотый раз проверяю, как накрыт стол, ставлю на подогрев гарнир и мясо, а сама сажусь на стул рядом. Так и жду мужа на кухне, за накрытым столом. Кухня у нас маленькая, конечно, но в большой комнате накрывать стол неудобно: во-первых, одна я его не дотащу, во-вторых, из-за стола будет невозможно пройти в спальню. Вот купим большую квартиру, и все у нас будет как у людей. Гостиная, кухня, спальня и детская... «Даже две детские», — мечтаю я.

На часах ровно 18.30. За окном слышу шорох шин и писк сигнализации. Я не бегу к окну, звук Женькиной машины я узнаю из тысячи. Сразу иду в прихожую, а по пути еще раз смотрю на себя в зеркало. Поправляю волосы, стираю краешек потекшей стрелки и провожу рукой по идеально сидящему платью.

«К встрече готова!» — смеюсь я и открываю дверь.

— Привет! — тянусь к мужу за поцелуем.

Он сгребает меня в охапку и зацеловывает, а я смеюсь и шутя отбиваюсь.

— Жень, ты хоть дверь закрой.

— Полин, я устал, голоден, как стоя волков, но все это ерунда, потому что у меня для тебя сногшибательные новости. Чем так вкусно пахнет?

— Ужином. Переодевайся, я жду тебя на кухне. — Отлипаю от мужа и целую его в колючую щеку. — У меня для тебя тоже есть очень-очень важная новость.

Жду его за столом, пряча под салфеткой заветный тест с двумя полосками. Нервы на пределе, и чтобы хоть как-то успокоиться, я в сотый раздвигаю приборы, переставляю фужеры. Волнение от предстоящего разговора перемешивается с нежностью и теплом к еще не рожденному малышу и мужу. Я счастлива.

— Ох, как у нас все по-праздничному, Поль! Очень кстати... — начинает муж.

Я внимательно слушаю его и одновременно раскладываю еду по тарелкам. Все, как он любит: мясо с овощами и запеченный картофель. Ставлю перед ним тарелку и опираюсь подбородком о ладонь.

— Полин. — Он потирает руки и берет в руки вилку. — К лету мы будем богатыми и замученными работой. Отдых не планируй в этом году, зато через год — любой каприз.

Муж отрезает кусочек мяса и отправляет его в рот, прикрывая глаза от удовольствия.

— М-м-м, очень вкусно! Спасибо, родная!

— Так что там за внезапное богатство на нас свалилось? — уточняю я.

— Нас выбрали представителями «China Hot Pot Ltd». Будем открывать сеть ресторанов китайской кухни.

Сказать, что я шокирована известием — ничего не ска-

зять. В голове уже крутятся цифры и список предстоящих дел. Женя прав: будем работать сутками.

— Через неделю я улетаю в Китай на три месяца. Ты остаешься за главного, Поль. Через месяц где-то у меня была запланирована поездка во Францию. Я пришлю тебе точные даты. Там ничего серьезного: мастер-классы от нашего партнера, пара презентаций и два согласованных контракта на подписании. Ехать придется тебе и двум юристам. Справитесь.

Женя продолжает есть, а я сижу напротив него, словно парализованная. Столько новостей, информации и вопросов, и я почти срываюсь, чтобы задать их мужу, но сдерживаю себя. Слева от меня под салфеткой лежит еще одна новость этого вечера. Сначала она, потом вопросы по работе.

Волнуюсь. Наливаю в бокал воды и делаю несколько глотков.

Пора.

— Полинка, что-то я совсем заработался! Давай вина налью, выпьем за наш успех.

Муж встает из-за стола и достает из холодильника бутылку вина. Я ничего не говорю, улыбаюсь и жду того самого момента, когда смогу все рассказать.

— Мне не надо, Жень... — Прикрываю бокал ладонью и продолжаю улыбаться.

— Полин, такое грех не отметить! — напирает муж.

— Я и не отказываюсь. Налей мне сок, пожалуйста.

Когда я это произношу, Женя наполняет вином свой бокал. Он на секунду замирает, хмурится, но быстро берет себя в руки.

— Сок так сок. — И я наблюдаю, как в мой бокал льется желтый напиток.

— Жень... — начинаю я, когда поднимаем бокалы. — У меня тоже есть новость, важная.

Всматриваюсь в лицо мужа. Он серьезен, но ему так идет. Идет эта складочка между бровей и строгий взгляд. Даже легкая седина на висках не портит его.

Моя рука тянется к салфетке, я поднимаю ее, беру в руки пластиковый футляр и протягиваю мужу.

— Я беременна, Жень. Ты станешь папой.

Внутри все поет, я улыбаюсь и, счастливая, смотрю на мужа, а он молчит. Смотрю на него и жду, что он сейчас обрадуется, обнимет меня и скажет, что счастлив.

Но он молчит.

Улыбка сползает с моего лица, а в голове проносится ураган. Он сметает все: радость, счастье и любовь. С этого момента изменится все: прошлое, настоящее и... будущее, но я пока об этом ничего не знаю.

— Ты не рад, Жень? — Я не узнаю своего голоса, он звучит слишком тихо и жалко.

На лице мужа отражается шквал эмоций, но он не рад. Теперь я точно знаю. Почему? Единственный вопрос, который возникает в моей голове, и я озвучиваю его. Муж взлохма-

чивает волосы, трет глаза и смотрит на меня таким взглядом, от которого становится неуютно.

— Я рад, Полин, но... не время сейчас, понимаешь? Такие возможности... Их нельзя упускать. А беременность... Как ты себе представляешь... — Он запинается. — Командировки, работа без выходных и праздников? Как? Я один не справлюсь, а ты...

Глава 2

— Жень, но я же могу помогать тебе, пока не уйду в декрет. Все работают. Беременность — это не болезнь, — оправдываюсь я.

— Полин, ты же представляешь себе объем работ и нагрузку с китайским проектом. — Он смотрит на меня с надеждой.

— Понимаю, Жень.

— Мы не вывезем... я не вывезу. Да и куда нам сейчас ребенок? Мы только-только на ноги встали. Ни квартиры, ни детской. Где здесь детскую делать, Поль?

Каждое слово гвоздем вбивается в мое разрывающееся сердечко. Я понимаю, к чему он ведет, и осознаю, что он прав, во всем прав... Рука с тестом медленно опускается, и я прячу ее под столом у себя на коленях. Мы действительно только расплатились с долгами, и, если сейчас начинать делать детскую и покупать мебель, это сильно ударит по кошельку, а тогда плакали наши вложения в новый ресторан. В работе я тоже не смогу полноценно подстраховать Женю, а уж тем более, когда малыш родится. Конечно, месяцев через шесть мы сможем нанять няню, но будут ли тогда такие возможности, как сейчас? Может быть, да, а может, и нет.

— Полин, ты совсем ничего не ела. Давай поужинаем, и спать, а завтра на свежую голову все обсудим. Идет?

Видя, как я растеряна, Женя накрывает мою руку своей и заглядывает в глаза. Вроде бы все, как раньше, и в то же время не все. Что-то изменилось. Он прав: разговор сейчас не заладится. В голове ни одной умной мысли, пусто. Да и не хочу я сейчас думать и что-то решать.

Киваю мужу, соглашаясь его с предложением, и иду спать. Разговор на следующий день тоже не клеится: утром — потому что мы спешим на работу, вечером — потому что устали. Все попытки обсудить новые обстоятельства нашей с Женькой семейной жизни сводятся лишь к одному: сейчас не время. Мир больших возможностей не терпит нерешительности и сантиментов, мы оба понимаем это, но никто не хочет произнести то слово, которое разом решит все наши проблемы. Оба тщательно обходим острые углы.

Женя не хотел принимать решение, а я не хотела его услышать.

В итоге решение приняла я, после того как Женя уехал в Китай. В том, что оно было правильным, я убедилась уже через неделю. Работы было так много, что несколько раз я даже оставалась ночевать в офисе. Женя часто звонил и писал, мы обсуждали работу, советовались друг с другом. Говорили обо всем, только тему беременности он обходил. Ни одной фразы, ни одного вопроса о самочувствии. Казалось, он забыл, отстранился от ситуации. Я тоже молчала, принимая правила этой новой игры. Мне даже начинало казаться, что ничего и не было: ни положительного теста, ни визита к вра-

чу и таблеток — так, простуда, которая прошла за неделю. Жалела ли я? Нет, тогда нет, не жалела.

Работа полностью увлекла меня, и я не оставляла себе минуты, чтобы грустить и думать о том, что могло быть, если бы... «Ничего не могло быть, — убедила я себя. — Завтра открытие нашей первой кофейни, а послезавтра вылет во Францию. А там — новая страна, новые впечатления, и свободными для грусти останутся разве что одинокие вечера. Вечера... что можно придумать вечером во Франции? Театр, балет, прогулки по Сене и Эйфелева башня?» Загружаю поисковик работой, и, довольная, откидываюсь на мягкую спинку стула. Расстегиваю пиджак, пуговку на блузке — свободна. Встреч сегодня уже не будет, а коллеги простят мне мой маленький бунт.

— Маленький бунт, — произношу вслух, сидя в пустом кабинете, — это все, что я могу себе позволить.

Встаю со стула только тогда, когда шум в офисе затихает. Ноутбук давно выключен, а последний час я провела, листая соцсети в телефоне. Все что угодно, лишь бы не возвращаться в пустой дом. Мы не во Франции, а жаль: сейчас речная прогулка по Сене действительно была бы спасением. Может, Жене позвонить? Рассказать наконец обо всем и поплакать? Мы же раньше всем делились, поддерживали друг друга. Что изменилось сейчас?

Я не позвонила мужу ни этим вечером, ни на следующий день. Поздно ночью, засидевшись на кухне с бокалом вина,

я все же отправила ему фото с открытия кофейни, а в ответ получила лишь сухое поздравление. Поздравление?! Серьезно?! Отбрасываю телефон на диван и залпом допиваю бокал. Тянусь за бутылкой, стоящей рядом на столике, и наливаю себе еще. Плевать, что завтра придется лететь с больной головой!

Какой же громкий голос! Я и так знаю куда я прилетела, орать-то зачем? Нет, нет, нет, только не на русском! На французском это звучало тише и мягче, а сейчас ощущение такое, словно мой мозг делят на дольки ножиком для пиццы.

— Все, все, уже иду! — отмахиваюсь от улыбчивой стюардессы, в глазах которой ловлю откровенное пренебрежение.

«Не надо, девочка, я и сама себя ненавижу. Да толку-то? Что это может изменить?» Выхожу из здания аэропорта и ищу, где здесь можно найти аспирин. На противоположной стороне, метрах в пятистах ниже по улице вижу значок аптеки. Пешком? Нет! В таком состоянии лучше потерпеть до отеля. Ловлю такси и падаю на заднее сиденье, на автомате проговариваю адрес и прошу водителя открыть окно. Последние два бокала вчера вечером точно были лишними: голова до сих пор кружится, а в желудке просто ураган.

Вот и отель. Расплачиваюсь с таксистом и стараюсь быстрее скрыться в здании. Холл полон постояльцев. Снующий с багажом персонал и стрекочущие на всех языках мира администраторы раздражают. Осматриваю дорогой интерьер, но

сейчас он не вызывает у меня никаких эмоций. Направляюсь к единственному свободному администратору и шлепаю документами по отполированной до блеска стойке.

Пара фраз на английском, и заветный ключ от номера у меня в руках.

— Багаж? — спрашивает меня девушка.

— Не стоит беспокоиться, но, если вы подскажете, где здесь аптека, буду признательна.

Мне указывают направление, и я сразу бегу туда. На сегодня у меня очень простое расписание: покупка таблеток и долгий сон в номере. Строго следуя плану, но, проснувшись, решаю кое-что дополнить. Заказываю ужин в номер и достаю из бара бутылочку сухого красного вина. Принимаю душ и устраиваюсь в огромном плюшевом кресле. Кутаюсь в халат и подбираю ноги под себя. Балкон в номере открыт, и прохладный парижский воздух бодрит. Любуюсь сервированным столом и не могу удержаться, делаю фото этого великолепия и зачем-то отправляю Жене.

Маленькие зелененькие галочки сообщают мне, что абонент прочел сообщение. Откладываю телефон и беру в руки приборы. Он не ответит, он давно ничего мне не отвечает.

Экран мобильного загорается, а поверх заставки с тропическим пейзажем висит сообщение от мужа. Вилка со звонком падает на пол.

«У нас все еще с тобой будет, Полин. Обязательно. Люблю».

Я радуюсь, как сопливая школьница. Вот оно продолжение, новое начало, шаг к нашему будущему! «Все еще будет», — шепчу себе, как мантру, захлебываясь эмоциями и реву.

Глупая! Откуда мне было знать, что это было началом конца — долгого, мучительного, но неизбежного.

Глава 3

Год назад

Сажу перед кабинетом и жду. Нет, здесь все по расписанию и нет очереди, не тот уровень. Это я пришла за сорок минут до назначенного времени и теперь жду запланированного приема. Провожу рукой по волосам и заправляю выбившиеся пряди в прическу. Взгляд невольно цепляется за многочисленные фото на стенах. На всех фото — дети: младенцы и постарше, вместе со счастливыми родителями или без них. Я всех помню, их улыбки уже въелись мне в подкорку, и точно знаю, где и какое фото находится.

«Зачем?» — Этот вопрос терзает меня почти с первого дня посещения клиники.

Зачем это людям, которые приходят сюда с надеждой, тем, для кого приход сюда может стать единственным шансом стать родителями или жирной точкой в конце долгого пути. Что это — попытка насильно взрастить надежду в их израненных душах или упрек за ошибки прошлого?

— Визуализируйте, — смеюсь я, — очередной прием.

Именно это советует мой психолог: визуализировать. Это, когда у тебя все хреново, но ты прикрываешь глаза и представляешь, что все замечательно. День, два представляешь, а потом приходится открывать глаза, а вокруг тебя так ничего и не изменилось. Психолог утверждает, что должно появиться-

ся желание жить, но мне почему-то хочется еще раз закрыть глаза.

Дело во мне?

Во мне, всегда все из-за меня!

Забеременела не вовремя я, аборт сделала тоже я. Теперь, опять же, только я не могу иметь детей, а Женя Гончаров может.

Всегда и везде только я!

«Прекрати! Надо испытывать только положительные эмоции, чтобы организм боролся с болезнями и штопал энергетические дыры в этой... как ее... ауре. Делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю, считая до десяти. Воздух заканчивается на цифре «пять», но я усиленно пытаюсь выдавить из себя хоть каплю и дотянуть до десяти.

Закашливаюсь.

Администратор клиники сразу бросается мне на помощь и предлагает водички. Вода — это отлично! Пью воду, что, кстати, тоже полезно. Я готова делать все: не думать, не дышать, питаться таблетками и пить воду, даже визуализировать дни напролет, только бы у меня появился хоть крохотный шанс забеременеть.

— Гончарова Полина! — раздается голос над ухом.

Подскакиваю и по стойке смирно замираю перед медсестрой.

— Я Гончарова.

— Проходите, пожалуйста.

Женщина отходит чуть в сторону и пропускает меня в кабинет. Прохожу внутрь, привычно огибаю ширму, за которой находится смотровая, и двигаюсь к столу где сидит мой врач. В очередной раз отмечаю кричащую белизну интерьера. Белое, все белое, даже мебель. Скольжу взглядом по ставшему родным кабинету. Все знакомое, не ошибусь даже с закрытыми глазами. Сколько я уже здесь наблюдаюсь? Год?

Обследования и лечение, попытки остановить развитие эндометриоза и забеременеть естественным путем. Оглядываюсь назад и не верю, что я все это выдержала. Терпела и ждала, когда тест на беременность покажет заветные две полосочки.

Не показал. Два дня назад мне вынесли приговор. Хотя врач и говорит об этом как о подаренной надежде, для меня ЭКО — это настоящий приговор. ЭКО, суррогатное материнство, которое мне тоже предлагают, если с ЭКО не получится, — при-го-вор. Неспособность родить любимому мужчине ребенка — это клеймо на всю жизнь и... одиночество.

Смотрю на врача. Он что-то говорит мне, я отвечаю. Кажется, здороваюсь, киваю на вопросы о цикле, самочувствии, но смысл слов слишком сложен для меня. Дежурные фразы вылетают сами собой, без моего участия, а потом слышу то, чего больше всего боялась.

— ЭКО, будем пробовать ЭКО. Вы слышите меня, Полина? — беспокоится врач.

Киваю, но в это раз осознанно. Пробую дышать, но полу-

чается ерунда какая-то, выдыхаю, а набрать воздуха в легкие не получается. Пустота, звенящая пустота внутри, она занимает все пространство, каждый уголок, так что даже свежий воздух не может проникнуть туда.

— Пробуем один короткий протокол, на блокаде, — продолжает врач.

— А если не получится? — перебиваю я.

— Полина, давайте мыслить позитивно.

— А все-таки... вдруг? — снова перебиваю я мотивирующую речь репродуктолога.

— С учетом диагнозов не вижу смысла тянуть. Эндометриоз будет прогрессировать. Гистология после выскабливания, честно скажу, мне не нравится. Не стоит материнство такого риска, Полина. Есть суррогатные матери, усыновление, в конце концов...

Он осекается, понимая, что перешел черту в отношениях врача и пациента. Снимает очки и трет глаза ладонями.

— Это мой вам совет — не как врача, а как человека. Жизнь многогранна. Подумайте и о себе, пожалуйста. Поговорите с мужем.

— Я поговорю, — произношу, с трудом шевеля губами.

Рука скользит по белоснежной поверхности стола и падает на колени. Сжимаю сумочку, пытаюсь выстоять в борьбе с оглушительной новостью. Медленно встаю и собираюсь уходить.

— Карта! Возьмите. — Врач протягивает мне набор бес-

полезных бумажек.

Наблюдаю, как в мою руку вкладывают увесистую папку, машинально прощаюсь и покидаю кабинет клиники. Лучшая репродуктивная клиника в городе — да что там в городе! — сюда рвутся пациенты со всей области и даже из ближайших городов. Вот и я рвалась год назад. Начиталась отзывов и разной литературы и поверила, что мне непременно здесь помогут.

Нет, клиника действительно оказалась прекрасной, врачи внимательные. У меня нет к ним вопросов. Просто так получилось, что мое женское здоровье уже не подлежит реанимации.

Иду по коридору, не обращая внимания ни на что. «Я сильная, справлюсь», — в очередной раз говорю себе, но вот беда: тело словно чужое. Передвигаю ноги в попытке дойти до ближайшего ряда кресел у стены, а когда дохожу, падаю без сил на одно из пластиковых сидений. «Хорошо, хоть в коридорах нет ничего белого», — почему-то мелькает в голове.

Даю себе десять минут, чтобы собраться и прекратить историю. К черту дыхательные техники и позитив! Я — инвалид, и это первое, с чем предстоит смириться, перед тем как ставить новые цели в жизни.

— Вам плохо? Может, воды?

Глава 4

— Вам плохо? Может, воды?

«Божий одуванчик? Откуда ты в этом чистилище?» — первое, что приходит на ум при взгляде на девушку, склонившуюся надо мной. Мотаю головой: успокаивающие свойства воды в моем случае слишком переоценены.

— Мне бы на воздух... — произношу, и меня передергивает от того, как тускло звучит мой голос.

— Давайте я помогу, я тоже уже ухожу, — воодушевляется «одуванчик» и помогает мне встать.

Рассматриваю свою спасительницу, пока иду к выходу, опираясь на ее руку. Светло-русые волосы, кудряшками рассыпающиеся по плечам, и глаза... Нереальные глаза! Они напоминают мне что-то, никак не вспомню, где я их видела. Долго пинаю шестеренки в мозгу, ищу хоть малейшую зацепку, а потом меня словно током прошибает: фото. Да-да, именно фото, развешанные по всей клинике. На одном из них изображена трехлетняя девочка, и висит оно в переходе, ведущем в лабораторию. Так вот, у моего «одуванчика» глаза такие же — светлые, добрые и наивные. Господи, ты слышишь меня, знаю, если она сейчас скажет, что проходит здесь лечение, я разочаруюсь в твоём чувстве юмора.

— Меня Полина зовут, — произношу, сама не знаю, зачем.

Терпеть не могу знакомиться в общественных местах. Никогда этого не делала, более того, старалась даже не разговаривать с теми, кто оказывается слишком говорливым, а тут...

— Даша, — коротко отвечает девушка, и я радуюсь, что она ограничивается одним словом, а не начинает болтать.

Толкаем двери и вдвоем вываливаемся на улицу. Холодный воздух кажется удивительно вкусным, и мы останавливаемся на крыльце клиники, чтобы отдышаться. Сомнений нет: Даша тоже из наших. Молчаливая, немного усталая, но еще с надеждой в глазах. Это и сбilo меня с толку в «одуванчике».

— По домам? — произношу, глядя куда-то ввысь в синее небо с грязными разводами облаков.

Краем глаза замечаю, как Даша кивает. Нет, мне определенно нравится эта девушка. Уголок рта чуть дергается в улыбке, и я решаю действовать. Нахожу в сумке свою визитку и протягиваю ей.

— Вдруг тебе тоже понадобится помощь, чтобы выйти на свежий воздух.

— Боюсь, придется слишком часто звонить, — натянуто улыбается она.

— Обещаю не закидывать в черный список, — возвращаю улыбку, и мы расходимся.

Каждой из нас надо ехать туда, где можно пересидеть, переждать тяжелые времена под крылом у близких людей. Я еду домой. До вечера у меня есть время на то, чтобы перева-

ритель всю информацию и выбрать варианты, которые можно будет обсудить с Женей.

Варианты — именно этим я занимаюсь дома, после того как принимаю душ и обедаю. Их немного. Один — отказаться ото всего и заняться собой и здоровьем. Как сказал доктор? Жизнь многогранна? Вот и займемся всеми остальными гранями. Второй вариант сложнее, попытка одна, результат спрогнозировать невозможно, зато вероятных последствий столько... начнешь продавать — озолотишься!

Достаю из шкафа теплый плед и устраиваюсь на диване в гостиной. Да, теперь у нас с Женей есть гостиная, и мы не ютимся на маленькой кухне. Почему-то сейчас, сидя на огромном диване, я вспоминаю именно тот вечер, когда ждала мужа с положительным тестом в руках. Что-то неуловимо похожее есть в этих двух вечерах, разделенных годами. Пытаюсь провести параллель, перебираю детали... новости, решения, волнение и ожидание... Ожидание! Конечно, привкус ожидания один на все времена.

Закутываюсь в плед с головой и открываю папку с анализами и заключениями. Листаю, рассматриваю снимки УЗИ, сравниваю с тем, что было год назад, и мне становится как-то грустно. Еще и слова врача о том, что ему не нравится гистология, пугают. Может, я действительно, так сильно стучусь в закрытую дверь, что еще чуть-чуть, и разобьюсь насмерть?

Откладываю папку и пристраиваю голову на подушку. Неудобно. Собираю все декоративные подушки с дивана и

подкладываю вторую, третью, чтобы было комфортно сидеть, и, прижавшись щекой к прохладной ткани, закрываю глаза.

Просыпаюсь от хлопка входной двери. В комнате полумрак... Это сколько же я проспала?! Наклоняюсь, чтобы поднять с пола телефон, и смотрю на цифры. Девять часов вечера!

— Жень? — зову мужа, услышав возню в прихожей. — Ты поздно сегодня.

— Пришлось до ресторана доехать после работы. Как у тебя дела, Полин? Что сказали в клинике.

Год моего лечения в клинике, как мне кажется, сблизил нас: Женя стал внимательнее, что ли, заботится, спрашивает обо всех назначениях, подбадривает меня в моменты, когда я готова сдаться и выбросить все таблетки в мусорное ведро.

Сажусь на диван с ногами, подтягиваю колени к себе и обхватываю их руками. Рассказываю ему все, что узнала от врача, подробно, с пояснениями, и попутно озвучиваю свои мысли и страхи. Женя слушает молча, но чувствую, как он напряжен, замечаю, как от некоторых фраз его передергивает, как от удара током. Я все замечаю, но продолжаю излагать факты, один за другим, до последнего, а в конце как приговор оглашаю совет врача и спрашиваю у мужа, как поступить.

Женя бросает на меня взгляд полный отчаяния, наклоняется вперед и, упираясь локтями в колени, закрывает лицо

ладонями. Растирает глаза, лоб и ерошит волосы.

— Поль, скажи... — Его голос срывается, но всё же он продолжает: — Это все из-за того, что тогда ты... мы... Из-за аборта, да?

Киваю, не в силах произнести ни слова. В горле саднит, давит, словно кто-то обмотал веревку вокруг шеи и теперь затягивает ее. Женя впервые заговорил о том, что произошло шесть лет назад, впервые произнес вслух слово «аборт». Мои глаза наполняются слезами, и я моргаю, шмыгаю носом, не позволяя себе разреветься.

— Прости меня, Полин, прости. Я не должен был тогда просить тебя... Черт, я не должен был тебе говорить! Вернее, должен был, но не про возможности. Не вовремя, да, но я должен был поддерживать тебя, оберегать, а не требовать поддержки для себя.

— Жень... — всхлипываю я.

Слезы текут по щекам, я почти ничего не вижу из-за них, только слышу, как муж встает с дивана и падает передо мной на колени.

— Молчи, Поль, молчи. Я во всем виноват. Я один. Поэтому делай так, как считаешь правильным для себя, для здоровья и для нас. Я приму любое твое решение, как ты тогда, помнишь? Молча встала рядом и поддержала меня. Так и я теперь. Я всю жизнь буду поддерживать тебя и любые твои решения. Всю жизнь, обещаю! Я так виноват перед тобой.!

Глава 5

После разговора с мужем в меня словно вдохнули жизнь. Я в очередной раз взяла себя в руки, позвонила в клинику и записалась на прием.

— ЭКО, — произношу вслух, пытаюсь распробовать слово, привыкнуть к нему.

Прохожу на кухню и готовлю себе кофе. Пока кофемолка перетирает ароматные зерна, захожу в поисковик и вбиваю в строку три новые для меня буквы. Результатов столько, что я теряюсь. Открываю по очереди несколько верхних сайтов — реклама клиник и минимум информации. Два абзаца для меня слишком мало.

— Эм-м-м... а что-нибудь вроде «ЭКО для чайников» есть?

Просматриваю всю ленту и наконец нахожу сайт с подробным описанием. Здесь все — от схем протоколов, различий, плюсов и минусов каждого до статистики. Вот то, что нужно. Нет, я понимаю, что статистика — это нечто промежуточное между астрологией, гаданием на картах таро и математикой, но изучаю. Надо же за что-то зацепиться, на что-то надеяться.

Запах кофе приятно щекочет нос. Пытаюсь схватить губами нежную пенку и обжигаюсь, касаясь горячего напитка. С шипящим звуком прихватываю обожженную губу и, не от-

рываясь от экрана телефона, делаю еще один маленький глоток из чашки.

Читаю, впитываю информацию, а возникающие вопросы сразу записываю в заметки. Много непонятного, конечно, но это я у врача уточню, а ведь есть и чисто девчачьи вопросы, например, «Больно ли?», «Насколько поправилась?», «А волосы?», «Что чувствуешь после?», и с ними точно не к доктору.

Даша! Как я могла забыть о ней?! Добавляю в закладки страничку об ЭКО и закрываю сайт. Звоню Даше и вываливаю на нее все свои опасения. Конечно, ожидаю любого ответа, даже отказа от разговора, но «одуванчик» только вздыхает, и следующие слова становятся решающими. Я поняла, что всегда хотела иметь такую подругу.

— Полин, не переживай. Я сама, знаешь, какая трусиха? Жуткая! Когда первый укол в живот делала, чуть в обморок не упала, — шепчет она. — Но ты только никому, хорошо? Если хочешь, я могу тебе все показать и уколоть. Ты где живешь?

— На Речной.

— Оу, далековато! Но решим; можем в клинике первый раз встретиться, а там посмотрим. Ты девушка боевая, не то что я, справишься.

Я?! Боевая?! Та, что ревет белугой после каждого приема в клинике и подыхает от воспоминаний по ночам?!

После разговора с Дашей я почти ничего не боюсь, а еще

чувствую, что больше не одна. Теперь мне есть кому позвонить, если будет необходим «свежий воздух». Воспоминания о нашем знакомстве сразу вызывают улыбку. Вот тебе и «божий одуванчик»!

День приема в клинике приходится на середину недели. Раскидываю дела и встречи в ежедневнике, с трудом освобождая два часа рабочего времени. К стойке администратора подхожу за две минуты до приема. Вроде успела.

— Можете проходить, вас ожидают.

«Все-таки могла пораньше приехать!» — ворчу на себя и захожу в знакомый кабинет, а выхожу уже с заключенным договором. Схему протокола и рецепт мне тоже выдали. Сдам анализы, и если все хорошо, то жду 3-й день цикла и начинаю стимуляцию.

Отмечаю в ежедневнике дату и отсчитываю дни.

В итоге на протокол уходит целый месяц. Мне помогает Даша. Женя забирает ее из дома и привозит к нам делать уколы. Удивительно, как они быстро нашли общий язык! Муж ей даже работу предложил.

Самыми страшными и волнующими оказались пункция под наркозом и подсаживание эмбрионов. Сегодня как раз такой день, мне подсадили два эмбриона. Все позади: уколы, таблетки, УЗИ. Осталось самое трудное: двухнедельное ожидание и анализ.

К счастью, работы сейчас столько, что забываю пообедать, не то что думать о результате. Женя в очередной командировке.

ровке, и я впервые радуюсь этому. Каждый вечер после работы прихожу домой и занимаюсь тем, что копаюсь в воспоминаниях. Прокручиваю в голове разные периоды своей жизни, и вот что интересно: чем старше становлюсь, тем более серой и безрадостней кажется мне моя жизнь. Вроде неплохо все выглядит, грех жаловаться: бизнес процветает, квартира новая, машины, путешествия, но нет главного. Вспоминаю себя в то время, когда мы жили в небольшой квартирке и считали каждый рубль. Была ли я счастлива? Да, несомненно! А сейчас так сказать не могу. Я успешна, уверена в себе, в хорошей форме и всегда усталая. Ощущения счастья нет, сколько ни ищи. Пропало, выветрилось, и что с этим делать, пока не представляю.

Сегодня по протоколу день сдачи анализа. Две недели пролетели быстро. Наверное, кто-то сверху решил, что они мне были необходимы для самокопания. Стою у зеркала и поправляю прическу. Тщательно приглаживаю каждую волосинку, как будто это может помочь. Нервничаю так, что дрожат руки, и попытка нанести тушь на ресницы заканчивается тщательным умыванием.

— С тобой поехать? — спрашивает муж уже в дверях.

— Нет, я сама. Результат получать будет страшнее, — пытаюсь пошутить.

Женя кивает и, видя мое состояние, не спорит. Оставляет на щеке легкий поцелуй с запахом парфюма и уходит, а я еду в ближайшую лабораторию и сдаю кровь. Остается только

дождаться результата, и я жду, весь день как на иголках. Даша прислала уже сотню сообщений в поддержку. Женя тоже позвонил раз пять. Результат пришел только вечером, точнее, уже ночью. Пропуская цифры и данные, сразу читаю заключение: «Уровень гормона соответствует нулевой неделе беременности».

Женя сидит со мной рядом, и я просто показываю ему экран. Ничего не говорим, вместе откидываемся на спинку дивана: я — чтобы сверлить потолок полными слез глазами, а он — чтобы закрыть глаза и исчезнуть из этой реальности.

Спать ложимся тоже молча. Женя долго ворочается, но все-таки засыпает, а я так и лежу до утра с открытыми глазами. Что теперь? Один шанс стать мамой использован, второй — замороженные яйцеклетки — еще остался. Третьего шанса не будет.

Как только в комнате начинает светлеть, я встаю и иду готовить завтрак — хоть какая-то польза от того, что не выспалась. В восемь утра приходит сообщение от «одуванчика» Даши. Споласкиваю руки и печатаю ответ: «Анализ отрицательный. Женя ждет тебя с трудовой книжкой сегодня в 11.00».

Телефон блокирую. Не готова ничего обсуждать, но еще больше не готова слушать банальные слова утешения. Я их наизусть знаю.

«В следующий раз получится, с первого раза мало у кого выходит. Отпусти ситуацию, попробуйте в церковь сходить».

Вроде все вспомнила, ничего не забыла?

Хочется пожалеть себя и поплакать, но я слышу приближающиеся шаги. Женя проснулся.

— Привет, Поль. Ты как?

— Нормально. Завтракать будешь?

— Ты говорила, есть еще крио-протокол? — Женя не слышит меня.

— Да, есть. Два эмбриона. — Я разворачиваюсь лицом к мужу. — Это все, больше ничего нет.

Сдерживаю слезы. Вдыхаю как можно больше воздуха и задерживаю дыхание.

Не получается. Плачу.

Женька подходит и обнимает меня, а я утыкаюсь в его теплое плечо.

Больше не сдерживаюсь.

Не могу.

Глава 6

«Уровень гормона соответствует нулевой неделе беременности».

Смотрю на ответ, полученный месяц назад, снова и снова. Открываю письмо каждый раз, когда проверяю электронную почту. Крио-протокол тоже оказался провальным. Два последних эмбриона, две моих последние надежды. Расстроила ли меня новость? Не знаю, но я точно почувствовала облегчение. Даже испугалась сначала, а потом все встало на свои места. Я устала, реально устала от этой гонки! Устала находиться в постоянном стрессе и любоваться своими тусклыми волосами, синяками под глазами и пересушенной кожей. Я превратилась в бледную тень самой себя.

Лучший вариант сейчас — уехать куда-нибудь подальше и убедить себя, что все это плохой сон.

Надо поговорить с Женей. Дождаться его с работы и поговорить.

Он в тот вечер снова пришел поздно, и мы долго разговаривали, придумывали, как жить дальше. Мыслей было много, но ни одна из них не вышла за рамки небольшого отпуска где-нибудь в Эмиратах.

«Дзинь-дзинь!» — раздавался звоночек, пытаюсь остановить меня, а я, дура, затыкала уши.

Отдых пошел мне на пользу. Тепло, солнце и безмятеж-

ный покой. В день отъезда, из огромного зеркала пятизвездочной гостиницы на меня смотрела прежняя Полина. Улыбаясь своему отражению, я запоминала себя, запоминала свои ощущения. Вот такой я должна быть всегда! Обещаю, что больше не позволю сломить себя. Какие бы проблемы ни подкидывала мне жизнь, буду встречать их с поднятой головой, идеальной прической и макияжем.

Именно боевой настрой после отпуска помог мне быстро погрузиться в работу, с ее бесконечными командировками, контрактами, поиском помещений и получением разрешений. Мы с Женей расширяли сеть ресторанов, и каждый из нас работал со своей географией. Усталость порой валила с ног, но я помнила обещание, данное самой себе в Эмиратах, и сегодня, с трудом разлепив глаза после трехчасового сна, ехала в клинику на полное обследование.

Пока пробираюсь по забитому машинами городу, прислушиваюсь к ощущениям. Сегодня, как и месяц назад, ничего кроме облегчения не чувствую. Желания биться в истерику или рвать на себе волосы тоже нет. Пока вижу только плюсы: не надо переживать о пропущенной таблетке, можно пойти в спортзал и... много чего еще. Да практически все можно!

Все.

Только ребенка у меня никогда не будет. Врач сказал однозначно: только суррогатная мать или усыновление. Смогу ли я полюбить абсолютно чужого ребенка, малыша, в котором не будет ничего от меня или от Жени? Представляю

младенца или ребенка постарше. Вот мы знакомимся с ним, общаемся, оформляем документы, и не откликается, ничего внутри не реагирует. Словно черно-белое кино смотрю и чувствую, как только что обретенное спокойствие дает трещину.

Не смогу! Даже думать об этом больно! Может быть, позже?

Тогда — суррогатная мать. Врач сказал, есть картотеки, и можно выбрать ту, которая будет вынашивать нашего ребенка. Опять внутри все сопротивляется этому, а чужая женщина воспринимается как высшее зло, как соперница: ведь она может выносить ребенка, а я — нет, и Женя будет видеть ее и сравнивать меня, измученную ожиданием и лекарствами, с ней, пышущей здоровьем, красивой и... настоящей.

Не-ет, не хочу так!

А как хочу?

Никак. Уже никак. Запихиваю все мысли о материнстве в самый дальний уголок памяти и крепко запираю их там. Мне нужна передышка, хотя бы на эту неделю, пока жду результаты обследования. Ставлю на паузу жизнь, мысли, чувства и не принимаю никаких решений. Просто живу.

За день до приема мои нервы не выдерживают. Утром просыпаюсь разбитая, потому что всю ночь мне снился странный сон. Я плакала. Сам сон вспомнить не получается, только слезы. Провожу ладонью по щеке, она влажная. Поворачиваю голову. На своей половине кровати крепким сном

спит Женя. Тихо, чтобы не разбудить его, выскальзываю из-под одеяла и иду в ванную. Пытаюсь привести себя в чувство контрастным душем, попутно говоря себе, что сон не повод для паники. Конечно, не повод! Я просто позвоню Даше и попрошу ее завтра сходить на прием со мной, и это никак не связано со сновидением.

Дашка соглашается, она в последнее время со всем соглашается, потому что счастлива. У нее в отличие от меня все получилось, и я очень рада. Негатива в моей жизни было достаточно, и вряд ли я смогла бы вынести рядом еще одного несчастного человека.

Общение с располневшей беременной подругой было для меня лучшим лекарством. Я слушала ее болтовню, любовалась округлившимся животиком и таяла от эмоций. Не знаю, как ей это удавалось, но она словно заряжала меня своим позитивом, давая силы бороться с отчаянием.

Вот и сейчас она стоит на пороге клиники и машет мне рукой. Улыбаюсь: ей бы еще подпрыгнуть от радости!

— Привет, Полин! — Дашка пытается меня обнять, как раньше, но мешает живот.

— Вот же ж... — ругается она. — Я превращаюсь в слона!

— Дашунь, ты сейчас самая красивая. — Обнимаю и целую ее. — Когда мы наконец-то встретимся с Алисой?

— В начале апреля, если верить врачу, — поглаживая животик, сообщает Даша.

Мы успеваем еще немного посплетничать и выпить чаю.

Я почти полностью растворяюсь в Дашином счастье и забываю, зачем пришла, но голос администратора заставляет меня очнуться.

Крепко сжимаю руку подруги. Всего на секунду пересекаемся с ней взглядами, и я иду в кабинет. Прием длится недолго, потому что обследование не показало ничего нового. Никаких улучшений, а проговаривать вслух вереницу диагнозов нет смысла. Матка увеличена, гиперплазия прогрессирует, к тому же появился риск, что рост ткани распространится на яичники и трубы.

Это приговор! Этого я и боялась!

Врач пытается смягчить удар, но я останавливаю его взмахом руки. Хватит пустых надежд, мне нужны факты!

— Перспективы... Какие перспективы, если оставлю все как есть?

— Честно? Это не лечится. Год, максимум год вы продержитесь. Именно продержитесь, — подчеркивает врач. — Боли, кровотечения и риск онкологии, а это значит постоянный контроль.

— Варианты?

— Удаление матки. Яичники оставим. Таким образом, единственным для вас вариантом стать матерью будет суррогатное материнство.

Киваю, на все слова врача киваю. Забираю результаты обследований и покидаю кабинет. Даша ничего не спрашивает, жмет ко мне своим животиком и гладит по спине.

— Спасибо, Даш, я позвоню. Сейчас мне домой надо, будем думать с мужем, как лучше.

— Поль, только ты звони, если что, сразу, ладно?

Расстаемся с Дашкой на крыльце клиники, почти рыдая. Ругаю ее за это, потому что нельзя, у нее Алиска. До дома добираюсь на удивление быстро. «Сон в руку», — проносится в голове, пока еду в лифте, но я пока не представляю, насколько права.

Открываю дверь в квартиру и захожу. В прихожей спотыкаюсь о Женькину обувь. Он дома? Раздеваюсь и прохожу в комнату.

— Жень?

Он в душе. Слышу, как льется вода. Сажусь на диван в гостиной и жду. Это даже хорошо, что он дома: сразу все обсудим, решим, и я успокоюсь. Папку с анализами я кладу на стол, рядом с Жениным телефоном. Ему звонят, телефон вибрирует и крутится по стеклянной поверхности стола. Тянусь к телефону, чтобы сбросить вызов и прекратить назойливое жужжание. Раздражает!

«Олеся», — светится на экране.

Отбиваю звонок и расслабленно откидываюсь на спинку дивана, но у Олеси, видимо, другие планы. Телефон коротко вздрагивает и замолкает. «Пришло сообщение», — отмечаю я и безотчетно тянусь к смартфону, чтобы прочитать текст.

Вот уж действительно сон в руку! Я читаю последнее сообщение от Олеси, а потом и весь чат.

— Идиотка! — вырывается у меня.

Глава 7

Какая же я идиотка!

Перечитываю переписку мужа с этой девицей и ощущаю, как мир вокруг меня рушится. Смысл сообщений то складывается в стройный диалог, то рассыпается на бессмысленные фразы. Но красным перед глазами стоит одно, которое тупым ножом врезается в грудь, не оставляя шанса выжить:

«Была у врача, срок уже восемь недель, все хорошо. Родителям пока не говорила, скажем вместе. Ты жене рассказал?»

Нож в груди проворачивают несколько раз. Всхлипываю, но читаю сообщение уже раз в десятый точно; легче не становится, боль в груди только нарастает. По-хорошему, надо заблокировать телефон, дожидаться мистера Чистюли из душа и поговорить, но я не могу. С маниакальной настойчивостью снова и снова читаю сообщения. Хочу запомнить все, до единого слова, чтобы не оставить ни единого шанса на прощение.

«Надо все рассказать. Дети должны рождаться в браке. Дай ей денег на лечение, и все. Должна же взрослая женщина понимать, что у нас будет ребенок».

— Дети, — шепчу я и чувствую, как это милое создание по имени Олеся еще раз проворачивает застрявший в моей груди нож. Выдыхаю остатки воздуха из легких и роняю телефон на пол. Как назло, это чудо техники падает экраном

вверх и взгляд снова цепляет сообщения, теперь Женины. Сейчас нож в его руках, и он каждым своим словом вбивает его все глубже и глубже, пока не попадает в самое сердце.

Женя, мой Женя...

«Лесь, не нервничай, расскажу. Сейчас у нее сложный период, как придет в себя, я сразу с ней поговорю. Успеем».

«Сука! Успеет он! Заботливый какой: и жену-то он бережет, и любовницу успокаивает! Как ты мог?! Как?! Обсуждал с ней мое здоровье, рассказывал, как я переживаю, срываюсь?! Как живу на уколах и таблетках в надежде забеременеть?!»

Хочу дождаться его, ткнуть в лицо телефоном и спросить, почему он так со мной поступил. За что?! Смахиваю одинокую слезинку со щеки. Первая и единственная, больше нет. Сухо. Моргаю и жмурюсь, от каждого движения глаза режет и скребет, словно от песка.

«Зачем ждать? Что я хочу услышать? Чего не хватило? Что-то не поняла из переписки?»

Все поняла, а значит, не стоит здесь задерживаться. Все, что сейчас происходит — правда. Трясти перед его носом смартфоном и требовать объяснений только для того, чтобы он лично все повторил, нет смысла. Я — брак, неликвид, от которого нужно избавиться, потому что у них с Олесечкой будут дети! Я же должна понимать это, верно? Я же взрослая женщина? Значит, пора освободить место.

Слышу, как в ванной перестает литься вода. Сейчас в ком-

нату войдет уже не мой муж и все поймет. Нет, нельзя. Говорить с ним сегодня я не хочу, завтра — тоже. Возможно, позже, в суде я соглашусь выслушать парочку его предложений. Идея возникает в голове спонтанно. Вот и пригодились ручки с замками! Вскрываю с дивана и бегу к двери ванной комнаты, по пути хватая связку ключей в верхнем ящике комода. Дверь ванной комнаты дергается.

— Да, дорогой? — откликаюсь я.

— Полин, ты уже дома?

— Представляешь, Жень, да. Да так вовремя подошла.

— Открой дверь, Полин! — начинает нервничать он.

— Жень, успокойся, я сюрприз хочу сделать, и мне надо минут десять. Потом открою. Хорошо?

— Что за сюрприз?

— Тебе понравится, главное — не подглядывай, — наигранно произношу я и добавляю с издевкой: — Люби-и-имый.

— Хорошо, Поль, засекаю время, — долетает до меня настороженный голос Жени.

«Засекай, дорогой. За десять минут я все успею».

Достаю дорожную сумку и быстро собираю вещи. Беру лишь самое необходимое, за остальным приеду потом, когда успокоюсь. Действую на удивление быстро, мозг работает как часы, видимо, задействовав все резервы. «Деньги, зарядные, документы, полис, карточка, лекарства...» — щелкает в голове, и я складываю все в сумку поверх одежды.

— Сколько еще? — смотрю на часы. — Пять минут оста-

лось.

Отношу сумку к двери, а сама возвращаюсь в гостиную. На столе лежит папка с договорами и ручка. Видит Бог, я не хотела, но времени в обрез. Перепечатает. Выдергиваю первый попавшийся лист и пишу Жене записку.

О тексте не думаю, эмоции сами рвутся на бумагу, я лишь собираю их в слова и непослушными пальцами вожу ручкой по бумаге.

«Как взрослая женщина я все понимаю и отпускаю тебя. Можешь передать Олеся и ее родителям, что ты свободен и ребенок родится в браке.

Не надо меня искать, решу все вопросы и приду за вещами. На развод подам сама, не суетись. Займись молодой женой и подготовкой к предстоящему отцовству.

ПЫСЫ. Зря скрывал столько времени».

Бегло пробегаюсь по тексту и в самом верху дрожащей ручкой размещаю: «Дорогой Женя».

Кладу лист на стол и припечатываю его телефоном — тем самым телефоном, на котором сейчас открыт чат с Олесей. Так у Жени не будет соблазна списать мое поведение на «сложный период».

Теперь точно — все.

Окидываю взглядом квартиру, нашу квартиру. Мы купили ее два года назад и так радовались. Помню, как я выбирала мебель, подбирала шторы. А кухня... все по моим эскизам. Одергиваю себя, запрещая раскисать. Теперь это все не

мое, чужое. Да и не смогу я здесь больше жить. Горькая волна удушья снова накрывает меня, и я еле сдерживаю слезы. Мне еще спустаться в лифте на парковку надо, а там соседи. Не хочу, чтобы потом кто-то перемывал мне кости, вспоминая, как я уходила в слезах. Конечно, совсем избежать сплетен не получится, рано или поздно Женя приведет в нашу квартиру беременную Олесю, и... Но сегодня я уйду с гордо поднятой головой.

— Полин! — доносится до меня стук. — Открывай!

— Минуту! — кричу я и бегу в прихожую.

Пусть покричит, постучит, а потом, когда я буду далеко отсюда, выломает дверь.

Накидываю на себя пуховик, шапку наспех засовываю в карман и хватаю сумку. Вроде бы все?

Пора, мое время здесь истекло.

Пока еду в лифте, звоню нашему риелтору и прошу срочно найти мне квартиру на неделю. Спешка не вызывает подозрений, мы с мужем («бывшим мужем», — поправляю себя) часто обращались к нему, с такой просьбой. Вру, что у нас опять случился внеплановый приезд партнеров.

— Минут тридцать? Спасибо, выручил, Саш! Да, мне звони, я занимаюсь. Оплачу сама и тебе переведу. Нет, документы не нужны.

Сбрасываю звонок.

«Так, место, где можно будет жалеть себя, не вставая с кровати дня три, я нашла».

Глава 8

Захожу в квартиру, бросаю сумку в прихожей и не раздеваясь иду в комнату. Осматриваюсь. Большая просторная студия на двадцатом этаже, полностью готовая к проживанию. Слишком светлый интерьер сейчас раздражает, но так и быть, потерплю. Мотаться по городу в поисках чего-то еще совсем нет желания. Перевожу деньги риелтору и убираю телефон в карман. Подхожу к окну. Вид с высоты открывается сказочный, надо будет потом сказать Саше отдельное спасибо. Еще вчера я бы восхищалась им, как ребенок, и не отлипала от стекол, а сегодня не трогает, совсем. Все эмоции замерли на одной ноте.

Снимаю пуховик и бросаю его на кресло, сама падаю на диван рядом. Побег удался, и, что особенно радует, я никого не встретила. Ни-ко-го. Значит, в моей временной берлоге меня не побеспокоят. Женя обязательно будет меня искать, но аккуратно, не поднимая лишнего шума. Проверит гостиницы, обзвонит пару больниц и побежит к своей Лесе сообщать радостную новость... а может, уже сообщил, прямо в том самом чате.

Ведь даже не прятался, подлец, знал же, что в любой момент могу увидеть его переписку! Пароли на телефонах у нас всегда были одинаковые. Бесстрашие или... плевать ему на меня и на то, что узнаю о любовнице! Ничего он не прятал!

«Олеся» — так и записано в контактах. Хотя бы зашифровался, как все гуляющие мужья! Записал бы Петром Ивановичем или «Шиномонтаж».

Все предельно ясно. Врут те, кто не хочет разрушать отношения. Сходят налево... ну вот такая натура у них, кобелиная... а потом — домой. Женя решил не скрываться — видимо, наш брак для него ничего не значит. Ухмыляюсь. Зачем от больной жены прятаться? Как там Олеся написала? Денег мне дать? Отлично! Поправочка: я все возьму сама. Ошибся ты, Женя: может, я и больная, но не дура.

Прикрываю глаза и слышу трель мобильного. Злюсь на себя, что не отключила. Господи, как не хочется вставать! Закрываю уши, прижимая подушку к голове. Сколько можно-то?! Телефон замолкает секунд на пять, а потом снова взрывается бодрой мелодией. Сил больше нет слушать этот перезвон! Делаю нечеловеческое усилие над собой, встаю и достаю мобильник из кармана куртки.

На экране, словно в припадке, подпрыгивает надпись: «Женя». Сбрасываю звонок и перевожу телефон на беззвучный режим.

— Иди к черту, Женя!

Возвращаюсь на диван, бросаю на пол все еще подающий признаки жизни телефон и подтягиваю под голову подушку. Нашупываю какой-то плед на подлокотнике, заворачиваюсь в него и пытаюсь уснуть.

Переписка мужа с любовницей снова всплывает перед гла-

зами, а воспаленный мозг услужливо дорисовывает картинки их страстных встреч: поцелуи, ласки, обнаженный торс Жени и стонущая Олеся, обхватывающая его стройными ножками. Мотаю головой, желая навсегда избавиться от этого кошмара. Мне сейчас не мужа с любовницей представлять надо, а свою жизнь. Начать с простого: выспаться и успокоиться, а потом подумать на свежую голову, что можно сделать. Вздрагиваю всем телом и накрываюсь пледом с головой. Почему-то становится холодно, я дрожу, а в голове разливается липкий туман. Надо немного поспать, сон должен помочь. Глаза закрываются, и я начинаю проваливаться в темноту.

Практически весь день сплю, а когда просыпаюсь, даже не пытаюсь встать с дивана. Лежу на спине, смотрю в потолок и плачу. Мыслями возвращаюсь в нашу с Женей квартиру и вспоминаю, как нам было хорошо, как мы любили друг друга, вместе радовались успехам. Тяжело расставаться с прошлым, очень тяжело. Умом понимаю, что все, это конец, но глупое сердце никак не хочет смириться с этим. Снова плачу, слезы текут по щекам, и я шепчу себе всякую ерунду, то успокаивая себя и жалея, то ругая за то, что лежу здесь, как размазня. Снова засыпаю. Тревожный, чуткий сон отнимает последние силы. Просыпаюсь резко, подпрыгиваю, когда слышу, как на полу глухо гудит телефон, читаю на экране имя мужа и опять плачу. Плачу и засыпаю.

На следующий день я просыпаюсь с диким кашлем. В гор-

ле сухо, словно в пустыне. Поднимаюсь и, держась за стену, иду в сторону кухни. Достая из шкафа первую попавшуюся кружку и набираю воды, но как только делаю несколько глотков, чувствую, что начинаю отключаться. Страх, что я здесь одна и никто не поможет, заставляет меня действовать. Выплескиваю воду из кружки себе на лицо и почти ложусь на стол. Дыхание перехватывает, сердце бешено колотится, а я изо всех сил пытаюсь удержаться в сознании.

Как только мне становится лучше, возвращаюсь на диван вместе с кружкой воды. Телефон на полу жужжит. «Надо же, какая батарея хорошая! — про себя отмечаю я. — Думала, хватит максимум на день. Беру в руки и листаю список пропущенных звонков. Женя звонит уже реже, но не теряет надежды. Кладу телефон на пол и продолжаю сидеть.

Сегодня третий день моего добровольного заточения. Если бы не острое, доходящее до тошноты чувство голода, ни за что бы не встала с дивана. На всякий случай проверяю холодильник: а вдруг? Ничего. Остается только доставка. Возвращаюсь к ставшему родным дивану и поднимаю мобильный — сел. Провожу пальцем по экрану — не реагирует. Трачу время на поиск зарядного устройства, а после жду, когда батарея покажет хотя бы пять процентов.

«Вопрос с едой решаем», — подвожу итоги я.

Жилье... Пока будет идти бракоразводный процесс, мне надо будет где-то жить. «Можно здесь, — неожиданно приходит решение. — Квартира хорошая, для меня одной боль-

ше и не нужно. Здесь есть все, мебель, техника, хороший ремонт. Опять же, центр города».

Отлично! С жильем тоже разобрались. Позвоню Саше и продлю аренду.

Вещи... Надо забрать вещи из нашей с Женей квартиры. Смотрю на часы, сейчас десять утра. Приведу себя в порядок, позавтракаю и поеду. Главное — успеть до шести, пока Женя на работе будет. Мысль о том, что я могу с ним встретиться, пугает и отзывается болью в сердце.

Вроде бы все?

Нет, не все. Еще юрист. Надо позвонить Игнату и попросить его заняться моим разводом. Мне нужна половина всего, что мы заработали за годы брака. На меньшее я не согласна.

Заказываю огромную пиццу и газировку: хоть что-то в моей жизни должно поднимать мне настроение. Уведомление сообщает, что моя доза эндорфинов будет доставлена через тридцать минут.

Отлично! Я еще и душ успею принять.

Глава 9

Сегодня встречались с Женей. Ну не только с ним, мой адвокат тоже присутствовал. Разговор вышел ни о чем: разводиться он не хочет, мои доводы, что многоженство в России запрещено, игнорирует. При Игнате держался, личные вопросы не затрагивал, а что самое удивительное, согласился на все наши требования. Я даже растрогалась, вот, думаю, какой он мужик хороший, понимает, что я полжизни угробила на эту работу! Другой бы вцепился зубами и за каждую копейку с бывшей женой судился, а этот... Даже жалко его стало, немного. Вдруг, думаю, и правда, все не так, как кажется?

«А как?! — обрубаю на корню все пробивающиеся ростки надежды и отвечаю себе: — Никак».

Молча пью пятую за утро чашку кофе и рассматриваю помещение. Это наше кафе, одно из первых, открытых по франшизе. Помню, как долго мы спорили по поводу интерьера, формы для персонала... Придется менять, все менять: любимые кафе, фильмы, музыку и даже блюда. Любое напоминание о прошлом для меня подобно спичке, поднесенной к бочке с бензином: одно неверное движение, и тебя разорвет в клочья. Может, попросить у Жени свою половину в деньгах? Надо поговорить с Игнатом.

Наблюдаю, как муж с юристом просматривают бума-

ги, что-то подписывают. Женя тоже периодически бросает взгляды в мою сторону, а когда встреча заканчивается, просит меня задержаться.

— У тебя десять минут, Жень, — стараюсь удержать на лице маску безразличия.

— Поль, где ты сейчас живешь?

— Мы об этом будем говорить?

— Нет, но это важно. Я мог бы съехать, а ты — остаться в нашей квартире, так мне было бы спокойнее.

— Нет! — почти выкрикиваю я, чем привлекаю внимание посетителей кафе и добавляю тише: — Мне будет спокойно.

— Все-таки решила развестись...

Молчу, еле сдерживая себя, чтобы не закатить глаза, а еще очень хочется наорать и треснуть Женю по голове чем-то тяжелым. Неужели он думает, что мне будет спокойнее в квартире, где еще совсем недавно звучал наш смех, где каждая вещь — да что там вещь! — даже воздух будет напоминать о его поступке?! Считаю до пяти и обратно: до десяти не хватает выдержки.

— Я?! Решила?! О чем ты, будущий папочка?! Ждете кого? Мальчика? Девочку?

Бью прицельно, хлестко. Знаю, что больно. Мне тоже, дорогой, мне тоже. Привыкай к тому, что все лавры достанутся тебе, ты же режиссер этого гребаной постановки.

— Полин, я не планировал так... неправильно получилось.

Давай просто возьмем паузу и все обдумаем. Мне ты нужна, а не она.

— Прости, Жень, я чего-то не понимаю... Тебя связали и изнасиловали? Угрожали расправой, шантажировали? Может, пьяный был?

Молчит, он молчит, и от этого мне становится так противно, что весь выпитый кофе, того и гляди, вырвется наружу. Боже, как отмыться от этого? Он спал с ней, а потом возвращался домой, ложился в нашу постель, обнимал меня и ... Б-р-р-р!

— Вот и я думаю, что нет. Давай закончим пустые разговоры, Жень. Я уже все обдумала: мы разводимся. Точка! Все переговоры и вопросы с сегодняшнего дня решай через Игната. До встречи в суде!

Встаю, перекидываю сумочку через плечо и хочу уйти, но муж ловит меня за руку.

— Прости, Поль, прости меня, — шепчет он.

Раскаивается, жалеет, и я верю, потому что отчаяние, застывшее на его лице, не сыграть, оно неподдельное.

— Когда-нибудь, Жень, но не сейчас. Будь счастлив!

Выдергиваю руку и быстрым шагом направляюсь к выходу. Ему-то спешить некуда, у него теперь дом, семья, работа — все как у нормальных людей, а у меня через пятнадцать минут прием в клинике. Надо поговорить с врачом по анализам, послушать, что посоветует, и принимать решение.

«Хорошо, я его уже приняла!» — раздражаюсь из-за того,

что пытаюсь врать самой себе.

Выхожу на улицу и кутаюсь в свою любимую шубку. Снег забивается за шиворот и путается в волосах. Морозит, но я не спешу забираться в машину, вдыхаю холодный воздух и упиваюсь свободой. Я могу делать все, что захочу: путешествовать, читать книги, ходить в спортзал, веселиться с подругами... и жить нормально, без боли и страха. После последнего протокола как-то все не так пошло. Я решила, и сейчас врач может изменить только дату операции, если по результатам обследования будут противопоказания.

Противопоказаний нет, как и надежд на то, что у меня получится забеременеть. Нет, можно пытаться и дальше, использовать донорский материал, например, но гарантий нет. Выбрать донора, дождаться развода и оплатить еще один протокол? Почти минуту я молча смотрю на врача. Он не торопит, понимает, насколько тяжелое решение я сейчас принимаю.

— Назначайте дату, — наконец устало произношу я. — Здоровье не резиновое.

— Верное решение!

Врач пытается поддержать меня, но избитые фразы о якобы начинающейся после операции жизни не впечатляют: слишком много «нового» свалилось на мою голову. Забираю направление и карточку и еду в свою маленькую берлогу.

Как только захожу в квартиру и закрываю дверь, от моей показной решительности и безразличия не остается и следа.

Я не плачу, уже не плачу. Прохожу в комнату, скинув ненавистные модные туфли, и опускаюсь на диван. Организм требует перезагрузки, и я просто сижу в тишине и бесцельно смотрю в одну точку.

Неверный муж, любовница, развод — все отходит на второй план.

Послезавтра в восемь я должна быть в клинике. Сутки на подготовку, операция и реабилитация длиной в два месяца. Забыла еще, что две недели после операции придется лежать в скучной палате под наблюдением врачей.

Заставляю себя подняться и начать собирать вещи. Звоню Дашке, теперь единственному человеку, у которого я могу что-то попросить, находясь в стационаре. Я рассказала ей о Жене, о разводе. Она так эмоционально на все реагировала, что я начала улыбаться. «Божий одуванчик» (удивляюсь, как точно назвала ее в день нашего знакомства) возмущается, размахивает руками, почти опрокидывает чашку с чаем и клянется уволиться из Жениной фирмы. Уговариваю подождать, подумать о себе и малышке: молодые мамы особой популярностью у нанимателей не пользуются.

Тогда, давая ей совет думать о себе и о малышке, я твердо решила, что и мне тоже пора подумать о себе.

Глава 10

Открываю глаза.

Больно. Свет бьет наотмашь. Жмурюсь и продолжаю лежать. Жива, но это сейчас не особо радует. Мне бы выйти отсюда побыстрее, чтобы разгрести то, что осталось от моей счастливой жизни.

Развод. Первое, что я сделаю — это подам на развод. Жить с этим уродом больше не буду ни дня! Пусть валит к своей Олеся! Имя-то какое дурацкое — Леся, Олеся, Лесенька. Интересно, как он ее называет? Нет, стоп, неинтересно. Тьфу, мерзость!

— М-м-м... — срывается с моих губ, когда пытаюсь пошевелиться.

Резкая боль скручивает низ живота. Что же так больно?! Неужели не могут обезболить?! Это же средневековые пытки какие-то! Обезбольте меня еще на денек, пожалуйста!

Надо позвать медсестру. Открываю рот, чтобы крикнуть, но изо рта вырывается только тоненький писк. Черт, что же делать?! Мозг в посленаркозном состоянии никак не запускается, вяло перемалывает мысли и вместо помощи и полезной информации подкидывает всякую ерунду.

Кнопка! Точно, мне же говорили о ней до операции! Где же этот спасительный девайс? Вроде должен быть над головой. Провожу рукой по изголовью кровати. Ура, я спасена!

Слышу неприятный пищавший звук из коридора. Это я? Отлично!

Так, на боль пожалуюсь, что еще? Сильно болит голова, и пить... очень хочется пить.

Делаю еще одну попытку открыть глаза. Пространство плывет в каком-то сферическом объемном калейдоскопе, то складываясь в знакомые картинки, то рассыпаясь в жуткие психоделические орнаменты.

— Как себя чувствуете, Полина?

— Плохо, — честно признаюсь я. — Боль сильная. Голова раскалывается, и во рту все пересохло.

— Пить уже можно. — Медсестра отходит к столику и наливает мне стакан воды.

Пытаюсь привстать, чтобы забрать стакан, но резкая боль сразу же вынуждает меня лечь на подушку.

Бесит! Все бесит и злит невозможно! Вынужденно принимаю помощь медсестры и жадно глотаю воду. Хоть что-то приятное. Облизываю пересохшие губы и мысленно делаю пометку попросить Дашку привезти гигиеническую помаду.

Ну вот, часть моих проблем решена. Теперь жду врача, он расскажет, как все прошло, и даст добро на спасительный укол. Молоденькая девочка продолжает суесться вокруг меня, и вроде бы искренне все делает, спрашивает, помогает, а меня раздражает.

Сколько ей? Двадцать? Больше? Нет, не больше. Рассматриваю ее из-под полуопущенных век. Максимум двадцать

два. Да, так и есть, прям как Женькиной Олесе. Такие всем нравятся: молодые, свежие, здоровые. Наследник нужен — пожалуйста, держи, целую футбольную команду. Девочку муж захотел? Один щелчок пальчиками — и тройня белокурых принцесс с кудряшками и голубыми глазами уже выходит с конвейера.

Суки! Ненавижу!

Слезы заполняют глаза и только и ждут, когда я моргну и они смогут побежать водопадом по щекам. Сквозь пелену вижу капельницу и цепляюсь за нее взглядом. Она не раздражает. Наблюдаю, как пузырик вырывается из воздушного клапана, а капля раствора замирает в корпусе капельницы, чуть задерживается и падает. Монотонность успокаивает. Шмыгаю носом, прогоняя слезы. «Ты сильная, Полин, — уговариваю себя, — во всем есть свои плюсы. Ищи их. Теперь никто не будет требовать от тебя наследников, никаких таблеток и гормональных уколов, никакого чувства вины и страха, что все закончится в онкологическом диспансере. Чем не плюс? Да просто огромный плюсище!»

Хватит, наигрались! Не плачу, держусь, но в груди горит, словно туда кислоты налили. Боль сдавливает, словно тискают, и я не справляюсь. Меня, кажется, накрывает истерика — какая по счету за последние сутки, не помню, но в этот раз даже слез нет. Меня сгибает пополам, больно, но я лишь молча открываю рот и пытаюсь ухватить пересохшими губами побольше воздуха.

Медсестра начинает суесться, нажимает какую-то кнопку, и в палату вбегает врач. Смотрит на меня, на приборы и что-то пишет в назначениях. Ничего не понимаю из их разговора, кроме того, что сейчас мне помогут. Обязательно помогут. Вернут мой мозг обратно в полурабочее состояние, потому что я не хочу в реальность, не хочу все вспоминать!

Просыпаюсь и чуть потягиваюсь на кровати, прислушиваясь к своим ощущениям. Шов немного тянет, а больше ничего не болит, все хорошо. Значит, укол помог. Лежу с закрытыми глазами и наслаждаюсь тишиной в голове. Никакого сожаления, никаких обид, воспоминаний. Из коридора доносятся резкие мужские голоса, к ним присоединяется высокий женский голос, запрещающий проходить в палату. Правила какие-то рассказывает.

— Кто же так орет?! Это больница или привокзальная площадь?!

— Да пустите вы, здесь моя жена! — долетает до меня гневный бас мужа.

«Только не это, не-е-ет!» — Зажмуриваю глаза.

Женя — последний, кого я хотела бы сейчас видеть. Даже представить не могу, зачем он здесь. Условия развода обсудить? Так это к адвокату. Заявление я подам сама, как только выпишут. Поддержать?

Смешно!

Дверь хлопает, легкий сквозняк проносится по палате,

шлепая полосками цветного жалюзи по стеклу. Явился. Глаза не открываю, надеясь на то, что он уйдет.

Женя стоит у двери. Один шаг, легкий, нерешительный, и следом торопливая череда тяжелых шагов. Слышу, как он падает на стул.

— Что ты наделала, Поля?! — В его хриплом голосе слышится горечь. — Почему молчала?!

Сглатываю ком в горле и еле сдерживаю желание разрыдаться и броситься в его объятия. Привыкай, он больше не твой. Только тебе выбирать, как строить жизнь дальше. Со здоровьем ты разобралась. Удаление матки — это не самое страшное, что могло случиться. С этим живут, и очень долго, особенно, если сравнивать со статистикой по онкологическим заболеваниям. Я даже смогу стать мамой, яичники мне оставили, и теоретически, если воспользоваться услугами суррогатной матери... Не буду загадывать, не хочу. Жизнь только что преподала мне хороший урок, и теперь я знаю, как все может измениться за один вечер.

Глава 11

— Зачем ты здесь, Жень? — Повернув голову, я всматриваюсь в его лицо.

Он, как всегда, идеально выбрит и одет в один из своих любимых костюмов. Хотя здесь ничего не изменилось. Перевожу взгляд на окно; длинные полосы жалюзи мотает и причудливо перекручивает от ветра. Женя не закрыл дверь, дует. Кутаюсь в одеяло по самое горло и снова отворачиваюсь к окну: слишком больно видеть его так близко. Сейчас, когда мне как никогда нужна поддержка, тяжелее всего оставаться сильной и неприступной.

— Почему не поговорила, Поль? Мы бы решили вопрос. Есть же варианты?

— Нас больше нет, и вопрос решила я. Я не хочу сдохнуть от онкологии в больнице под капельницами. Хотя вам с Олесей это только на руку: никакого дележа имущества, никаких претензий.

Говорю больше для того, чтобы разозлить себя, не дать шанса обмякнуть, ну и Женю уколоть, тоже хочу. Врать не буду.

— Не говори так!

— А как, Жень?! Пришли бы на могилку, всплакнули театрално — и в Грецию или на Мальдивы! — Пытаюсь хохотнуть, но живот скручивает в остром приступе боли.

— Можно суррогатную мать нанять или усыновить, Поль.

— Поздно, Жень, тебе теперь к Олеся с этими вопросами.

— Поля, прекрати! — кричит он и обхватывает голову руками. — Я не хотел, никогда не хотел!

Голос Жени срывается на шепот, локти упираются в колени. Он растирает лицо, и его дыхание становится шумным, частым.

— Ты все пыталась и пыталась, я видел, как ты нервничаешь, переживаешь, как тебе плохо, и всему виной был я. Черт побери, Полин, если бы я тогда не настоял!.. Я жрал себя живьем все эти годы, изо дня в день. Открывал холодильник и не мог смотреть на эту гору лекарств, на то, как ты с остервенением колешь себя... Я домой идти не хотел, потому что там — ты, как напоминание о том, какая я сволочь! Мне так тошно было! Тебя поддерживал, а сам каждый раз сдыхал внутри, выл от безысходности. Я словно задыхался, не жил... А потом пошли корпоративы, поздравления, не выдержал, выпил лишнего, и... Молодая, веселая, выслушала, пожалела... Я не понимал, что делаю... так легко было... Меня словно прорвало...

Женя говорит, а внутри меня все перегорает и покрывается толстым слоем пепла. Надо выгнать его, заставить прекратить этот фонтан откровений! Поворачиваю голову, чтобы остановить его.

— Не перебивай, Полин, я не оправдываюсь. Не должен был делать этого, но... я сдался, не смог терпеть, решил, что

небольшая интрижка... Мы же с тобой потом уехали, и все, я не видел ее до того дня и не планировал больше видеться.

Женя замолкает. Подбирает слова? Не вижу смысла, лучше бы говорил, как есть. Хуже не будет.

— В тот день она пришла в офис и рассказала мне о своей беременности. Я был в шоке, не знал, что делать. Тебе бы я признался в любом случае, но мне надо было все обдумать. Полин, она не могла... не должна была...

«Она сама забеременела!»

— О! Но-но, дорогой, — произношу с издевкой, — не преувеличивай и не возводи ее в ранг святых. До Девы Марии твоей Олесе далеко. Ты тра... ты спал с ней, долго, много, а от этого рождаются дети.

Слова сами слетают с языка. Чуть приподнимаюсь на локтях, игнорируя боль, и продолжаю говорить громко, выплескивая все, что накопилось:

— Зачем ты мне все это рассказываешь? Чтобы пожалела? Тебе было плохо? А каково было мне, не задумывался?! Я не переживала, по-твоему?! Моя жизнь не превратилась в унылое ожидание и соблюдение назначений?! Интересный ты способ выбрать внести разнообразие! Может, и мне попробовать? Как, Жень, помогает?

— Полин, перестань, я сам себя уже казнил миллион раз! Поверь, сделать большее тебе просто не удастся. Ты должна была предупредить меня об операции.

Последние слова Жени не укладываются в голове. Я?!

Должна?! Моя нервная система дает сбой, я забываю о правилах приличия и ору. Впервые в жизни ору на него.

— Хочешь знать, почему я тебя не предупредила и не посоветовалась?! Потому что ты больше не имеешь права мне советовать, теперь я принимаю решения! Это мое здоровье, и я хочу жить! А теперь уходи и не появляйся здесь больше! Мне надо отдохнуть!

На мой крик прибегает медсестра и уговаривает Женю покинуть палату. Он упирается, пытается что-то говорить, но в конце концов подчиняется и уходит.

Уходит, а я остаюсь. Внутри все клоочет от бессилия, и я ничего не могу изменить.

Ни-че-го!

Моя жизнь разрушена. Мое здоровье не подлежит восстановлению, а десять лет своей жизни я провела с человеком, который променял меня на первую приласкавшую его девку.

До выписки меня больше никто не беспокоил. После того как Женя ушел, я лично попросила врача и персонал не пускать ко мне посетителей и не принимать передач. Единственный, кто мог прийти — Даша. Я даже звонила ей, чтобы попросить купить кое-какие мелочи, но была ошарашена радостным известием: она родила. Усталым голосом Даша отвечала на вопросы и рассказывала мне о дочке (судя по интонации, раз в сто пятнадцатый — точно). Я слушала и, кажется, становилась чуточку счастливее. Впервые за долгое

время с моего лица не сходила улыбка. Глупая, счастливая улыбка.

Открываю квартиру и закидываю больничную сумку в дом. Раздеваюсь, перешагиваю через нее и иду в комнату. Вещи подождут, разберу позже. Первым делом включаю кондиционеры и жалею, что в современных высотках устанавливают не открывающиеся окна. В холодильнике пусто, в шкафу нахожу несколько пакетиков заварки. Продукты я заказала еще тогда, когда была в больнице, скоро привезут, а пока можно выпить чаю. Включаю чайник, сажусь за стол и беру в руки блокнот, в котором начала планировать свою жизнь.

«Со здоровьем разобрались. — Вычеркиваю пункт. — Подать заявление на развод».

Немного подумав и сверившись с календарем, ставлю завтрашнее число. Не вижу смысла откладывать: как сказал Игнат, и так вся процедура займет минимум три месяца. «Спортзал для меня закрыт еще месяца на два... — Мечтательно смотрю в потолок и грызу ручку. — Значит, диета и салоны красоты!» С удовольствием вношу в список дел эти пункты.

Теперь о неприятном. Я должна уволиться. Прийти в офис и написать заявление, а значит, встретиться с коллегами, и Женя в их числе. Желания нет, но сделать это придется. Немного зависаю над списком и добавляю эти пункты в конец, сразу после посещения салона красоты. Это будет

правильно.

Чайник щелкает и затихает.

Иду пить чай.

Глава 12

— Ох! — Со стоном поднимаюсь с дивана и боюсь разогнуться: шов до сих пор колет, и боли периодически напоминают о том, что я инвалид. Похоже, это надолго, а еще усталость и сонливость. Если утром кофе еще спасает, то днем... Попытки пить кофе несколько раз в день пока пресекаю.

Никогда бы не подумала, что после операции я превращусь в вечно ноющую от усталости тетку! Врач говорит, это перестройка организма, и надо подождать. Жду уже второй месяц. Кроме ожидания мне прописали лекарства, витамины и диету. Последнее я восприняла с огромной радостью. Приводить себя в порядок надо срочно, и раз уж фитнес пока под запретом, значит, в холодильнике будут только полезные продукты. Результат? Отличный! Даже Даша заметила, что за месяц мне удалось помолодеть лет на пять. Стою у зеркала и думаю: соврала Дашка, чтобы как-то меня поддержать, или нет? Она ведь может.

Вчера я впервые после огромного перерыва побывала в салоне красоты. Кардинально ничего не меняла, достаточно с меня перемен на ближайший год, точно, но зато теперь уверена: Даша не врала. Такая я себе самой нравлюсь, теперь можно и в офис к Жене дойти. Весь месяц я выдумывала сотню причин, чтобы этого не делать, а сегодня — готова.

Подхожу к окну и прижимаюсь лбом к стеклу. Оно теп-

лое. Солнце нагревает бетонную коробку, словно электропечь. Апрель, уже апрель... С высоты моего этажа все кажется неестественно мелким, сколько ни всматривайся, не заметишь нежные зеленые побеги, пробивающие себе дорогу к свету, и набухшие, едва раскрывшиеся почки на деревьях. Чем выше забираешься, тем скучнее пейзаж за окном: белые пятна сменяются грязно-серыми, зеленые — желтыми, и так по кругу. Никаких мелочей, отвлекающих от большой глобальной цели. Полная концентрация на себе и работе, а мир за стеклом — как цветные пятна.

Весна — время, когда все в природе возвращается к жизни: деревья, цветы, птицы... и я. Я же тоже так могу? Простить себе все ошибки и неудачи, разрешить ошибаться и пробовать новое. Взять белый лист, спуститься туда, где бурлит жизнь, и начать все заново. Нарисовать не разноцветные пятна, а красивые детали: пробивающийся из-под снега цветок, первую бабочку и тоненький листик, едва показавшийся из теплой от солнца земли.

Символично получается: операция, развод, увольнение и весна! Вот он, мой чистый лист!

Вторая попытка.

До офиса Жени добираюсь без приключений, если не принимать во внимание ноющие с непривычки ноги. Уже стоя в лифте, я вдруг подумала, что многое отдала бы за удобные кроссовки, прямо здесь и сейчас. Нет, здесь, но не сейчас,

а только тогда, когда выйду от Жени с подписанным заявлением в руках. Вот тогда можно.

— М-м-м... надо будет заново привыкать к каблукам.

В офисе я решаю не устраивать дефиле по кабинетам. Наверняка Олеся здесь уже появлялась, и все в курсе нашего развода с Женей. Кто-то будет жалеть, кто-то — восхищаться, а за глаза все равно перемоют мне кости. Беру бланк в отделе кадров, там же его заполняю и направляюсь к генеральному. Всего каких-то два десятка дежурных «здравствуйте» и парочка фальшивых «прекрасно выглядите», и я в приемной. Секретаря нет на месте, а из кабинета Жени доносятся какие-то голоса. Я легонько стучу и сразу открываю дверь.

Лучше бы я заранее договорилась о времени!

Улыбка застывает у меня на лице, когда я вижу в кабинете Олесю. Ошибка исключена, это она — молодая, с надутыми от обиды губками и заплаканными глазами. Она стоит у двери и с ненавистью смотрит на Женю, но, когда замечает меня, ее нервная система не выдерживает. Всхлипывая и растирая слезы по лицу, Олеся почти бежит к двери. Тонкое платье развеивается за ее спиной, обтягивая чуть округлившийся животик. Шаг, хлопок дверью...

«...и нет Олеси», — проговариваю про себя.

— Жень, привет. Заявление принесла, положу в твою папку, подпишешь, и в кадры отдай, хорошо?

Тараторю быстро, чтобы ни слова вставить нельзя было. Сил нет находиться здесь. Сложно держать лицо, сложно по-

том собирать себя и идти дальше.

— Хорошо, Поль. Я ждал тебя.

Смотрю на него, и, кажется, он догадывается обо всем. Знает, что скучаю, вечерами прячу телефон, чтобы не позвонить и не разрыдаться в трубку от жалости к себе. Все знает. Отвожу взгляд. Я должна что-то ответить?

— Я пришла. Вот... — Нерешительно переступаю с ноги на ногу, звонко стуча каблучками. — Я пойду?

— Я не женюсь на ней, и гражданского брака тоже не будет. Только помощь ребенку.

— Почему? — Глупый вопрос сам срывается с языка.

— Не хочу, Полин... подумал и понял: НЕ ХО-ЧУ.

Разворачиваюсь и иду к выходу, молча. Оказавшись в приемной, тихо прикрываю за собой дверь и выдыхаю.

— Хватит, Полин, не рви себе душу, — шепчу, пока еду домой.

Спустя два месяца

Игнат свою работу знает.

Перевожу ему остаток обещанного вознаграждения и сверху накидываю еще премию. Такие юристы, как он, на вес золота, и с ними надо дружить. Кутаюсь в тонкий кардиган и иду к машине, твердо намереваясь включить обогрев. Неизвестно откуда налетевший ветер, кажется, пронизывает насквозь. Взлетевшее от резкого порыва ветра облако пыли заставляет жмуриться. Вот уж действительно майская пого-

да полна сюрпризов! Крепко держу в руке листок свидетельства о разводе. Приеду домой — повешу на стену, в рамочку, чтобы больше не было соблазнов влезать в такие авантюры.

Пока добираюсь домой, собрав все пробки, возникает непреодолимое желание отметить. Идея хорошая, но с кем? С Дашей? Она сможет вырваться от Алиски часа на два, не больше.

«Больше и не надо», — отвечаю сама себе и звоню Дашке.

Потягиваюсь на кровати и переворачиваюсь на живот. Тепло расслаблено, в голове легко, а внутри какое-то непонятно тепло, словно все, что со мной произошло — дурной сон. Сейчас открою глаза, а рядом Женя. Сегодня выходной, и мы будем долго валяться в постели, а потом завтракать в пижамах и спорить, какой фильм лучше посмотреть вечером.

Улыбаюсь и пробую открыть глаза. Солнце слепит. Жмурюсь, ругаясь, что я опять забыла закрыть жалюзи. Уворачиваюсь от солнечного света и поворачиваюсь на бок, вытягивая руку, и тут же ее отдергиваю, коснувшись чего-то теплого. Распахиваю глаза, и первое, что я вижу — это обнаженный торс. Если судить по рельефу и кубиками, он принадлежит мужчине.

«Поправочка: голому мужчине», — вмешивается внутренний голос.

«Симпатичному», — мысленно добавляю я, приподнимаясь на локтях, и взгляд скользит ниже... пресс... ягодицы...

Так, стоп... Что этот голый мужчина делает в моей кровати?

Пробую копать в голове, чтобы вспомнить, что же произошло после того, как я решила отметить развод.

Отметила так отметила! Последнее, что я помню — звонок Даше.

Она долго ворчала в трубку, потом прикрыла ее ладошкой и, думая, что я не слышу, отпросилась у мужа. Еще пять минут я слушала их совместное ворчание из динамика, а потом ко мне вернулась Даша.

— Иду, но на три часа, Поль, не больше.

— Тогда-а-а, — тяну я, — в 18.00 в «Корсаре».

Я никогда там не была, но в навигаторе у этого бара стоит самая высокая оценка, и он находится недалеко от дома Даши.

Потом я выбирала, что надеть, крутилась перед зеркалом, после чего поехала в бар. Что немаловажно, поехала одна.

— Привет! Проснулась? — вырывает меня из воспоминаний приятный мужской голос.

Поворачиваюсь к мужчине и встречаюсь с ним взглядом. Красив, очень, я даже не могу отвести взгляд, так и пялюсь на его голое тело.

— Эй, Полин?

— Ты кто? — спрашиваю, осознавая, насколько позорно я сейчас выгляжу.

— Влад, если ты про имя.

Киваю, словно это что-то меняет. Влад... Влад... Влад? Я судорожно пытаюсь вспомнить хоть что-то из вчерашнего вечера. Смотрю на него и сгораю от стыда. «Он же моложе тебя, Полин!» Отвожу взгляд, который так и липнет к его телу, особенно туда, где на бедра небрежно накинута простыня.

— А почему ты голый? — не нахожу ничего умнее, чтобы спросить.

— Ты трогала меня везде, и мне пришлось раздеться.

— Что-о-о?! — В ужасе закрываю лицо ладонями. — А ты?

— Я тоже, Полин! — нагло ржет обладатель кубиков на прессе.

— А потом? — Нервно кусая ногти, смотрю ему в глаза.

Глава 13

— А потом? — Нервно кусая ногти, смотрю ему в глаза.

— Ты уснула.

— Фу-у-ух! — выдыхаю я и роняю голову на подушки.

Закрываю глаза, пытаюсь вспомнить, что произошло вчера в «Корсаре» и как связана моя амнезия со вчерашним чаепитием. Неплохо бы было выяснить и то, как Влад появился в моей постели, но почему-то мне кажется, что эти два события взаимосвязаны. Вспомню одно — разберусь со вторым.

Итак, на чем я там остановилась? Звонок Даше?

Дима отпустил Дашу на три часа, кажется. Я доехала до дома, переоделась и уехала в кафе. Так, вроде на этом этапе все помню. Потом пришла Даша, мы пили чай, заказали сладости и рассматривали фото Алисы в телефоне. Как только фото закончились, я начала ныть, а Даша пыталась меня успокоить. Алкоголь не заказывали, уверена, значит, это я еще где-то отмечала.

— Пытаешься вспомнить?

Резко открываю глаза, а этот наглец, абсолютно голый, стоит ко мне спиной. Зажмуриваюсь и сразу же открываю глаза. Если верить этому Аполлону, то вчера я успела все потрогать, так что теперь могу смотреть, сколько захочу. Плохо, конечно, что не помню ничего. «Это да, особенно то, как трогала», — шепчет внутренний голос».

— Так, надо вспомнить, где я была, почему ничего не помню, и, главное, что я еще делала. За что мне еще может быть стыдно.

Вот, собственно, и причина, почему я имею полное право паялться на его задницу! Я вспоминаю, а он — важная часть моих воспоминаний. Внутренний голос тихо хихикает, но я игнорирую его. Медленно исследую взглядом рельеф мышц на спине, представляю, как скольжу руками вверх, провожу по накачанным плечам и снова спускаюсь к бедрам. Это же произведение искусства — узкие, с перекатывающимися при каждом движении мышцами ягодичцы! Неудивительно, что вчера я полезла его трогать даже в бессознательном состоянии.

— Нравится? — Влад с улыбочкой поворачивается ко мне.

— Сколько тебе лет? — Я перестаю смущаться.

— Восемь.

— Что «восемь»? — Не в силах сдержаться, опускаю глаза ниже, а потом еще ниже.

Оу, у него и там все в большом порядке! Уверена, что вчера я и его потрогала, ну не могла я такое пропустить!

— Разница у нас с тобой в восемь лет, — уточняет Влад, игнорируя мое любопытство, — так что заканчивай загораться. В мамочки ты мне не подходишь. Я — в душ. Составишь компанию?

— Не-е-ет... — выдавливаю из себя и отворачиваюсь.

— Зря, Малыш, — подмигивает мне и уходит.

Что там дальше? Душ.

Представляю, как Влад медленно поворачивается ко мне и я, как замороженная, слежу за каплями воды, стекающим по его смуглой гладкой коже... Картинка застывает перед моими глазами.

«Соберись! — командую себе. — Что было после того, как мы с Дашей выпили весь чай?» — Пару раз шлепаю себя по щекам, чтобы стереть из памяти картинку из души.

«Ей позвонил Дима! Точно! Алиска раскапризничалась, и он прислал за Дашей такси. Я оплатила наш счет и точно помню, что вышла вместе с Дашей на улицу. Что потом? Обнимались с Дашкой, я ревела, она, кажется, тоже. Надо позвонить Даше. Мы точно чай пили?»

«Даша уехала на такси, это помню, сама дверцу закрывала. А я?»

Вот здесь начиналось какое-то непонятно мельтешение. Тру виски и морщу лоб — раньше это всегда помогало. Сажусь на кровати и, прикрыв глаза, начинаю воспроизводить свои действия по шагам, вспоминая детали. Хлопок дверцы такси, мои руки — я их убираю в карманы куртки, там телефон. Мне грустно и хочется плакать, поэтому я собираюсь ехать домой.

«Бинго! Я вызываю такси через приложение, растираю по щекам слезы и никуда не уезжаю. Отменяю такси и возвращаюсь в кафе, а там... забираюсь на высокий барный стул

и заказываю себе какой-то алкогольный коктейль «Комплимент от бармена».

Теперь все становится понятнее. Я начала пить в «Корсаре», но без Влада. Осталось совсем чуть-чуть. Сейчас этот Аполлон выйдет из душа, и я все у него узнаю.

— Малыш, душ свободен. Не против, если я похозяйничаю у тебя на кухне?

— Мне «американо»! — кричу в ответ. — Со спичками не балуйся!

— Не переживай, ма-а-амочка! — язвит он.

Закатываю глаза; он бывает серьезным? Начинаю вспоминать себя в его годы. Тогда мы только поженились с Женей и... нет, мы уже строили наш бизнес. А что делает Влад? Сдергиваю простыню с кровати и заматываюсь в нее. Хороший вопрос, но спрашивать ничего не буду. Выпьем кофе и разойдемся.

Дефилирую в ванную комнату, путаясь в простыне и мысленно ругая себя за то, что вчера выпила слишком много и притащила домой этого шутника. Хотя ещё неизвестно, кто кого притащил.

«Поздравляю, Полина: почти до сорока лет дожила, и тебя снова привозят в беспамятстве после вечеринки в клубе»

Прохожу через гостиную, и взгляд цепляется за валяющуюся на диване рамку. Обрывки воспоминаний опять мелькают перед глазами. «Это неправда!» — убеждаю себя, но стоит только подойти ближе...

Правда!

В рамке под стеклом красуется мое свидетельство о разводе. Я шутила с Дашей, что сделаю так и повешу в прихожей, чтобы всегда помнить, чем заканчиваются отношения.

Шутила!

— Влад, — обращаюсь к воюющему с кофемашиной гостю, — что это?

Поднимаю рамку и машу ею в воздухе.

— Рамочка, — с улыбкой отвечает он.

— Я про это... — Стучу ноготком по стеклу внутри.

— Твое свидетельство о разводе, Малыш, но тебе не кажется странным, что я тебе это... — Он указывает ножом на рамку. — Объясняю?

— Зачем?

— Я тоже считаю, что это лишнее, но ты наотрез отказывалась возвращаться домой без рамочки.

— Откуда мы возвращались? — спрашиваю, чтобы восстановить картину вечера.

— Мы из «Корсара» поехали в клуб, часа три там пробыли, а потом ты начала засыпать. Я предложил поехать домой, а ты ответила, что поедешь, но только если мы заедем и купим рамочку под свидетельство. Вот мы и заехали.

— О, Боже! — Хлопнув себя свободной рукой по лбу, бросаю рамку на диван и ухожу в душ.

Все еще хуже, чем я могла себе представить! Я напилась, уехала в клуб с первым встречным, рассказала ему о сво-

ей жизни и заставила ночью искать рамку для свидетельства о разводе. Странно, что он еще здесь, ведь по тому, что я вспомнила, все мои поступки — это поступки полоумной тетки!

Включаю ледяную воду и заставляю себя стоять под этим водопадом до полного прояснения в голове. Не спеша намыливаю волосы, вспениваю маленькой губкой ароматный гель и растираю замерзшее тело, а потом снова встаю под холодный душ.

Из душевой кабины выбираюсь другим человеком. Кутаюсь в махровый халат и стираю полотенцем остатки влаги с волос. Почему оно мокрое? Мое полотенце, мало того, что насквозь мокрое, так еще и пахнет... мужчиной!

— Обалдеть! — Принохиваюсь к едва уловимому запаху: приятный.

Пытаюсь вспомнить что-то похожее из известного мне парфюма и не могу. Стою посреди ванной комнаты и нюхаю мокрое полотенце. Если бы не звонок в дверь, стояла бы еще долго. Интересно, кто это? Гости в моей новой жизни не предусмотрены как вид.

Прислушиваюсь, продолжая сушить волосы. Разговор слишком тихий.

— Малыш, к тебе какой-то мужчина пришел и говорит, что он твой муж.

Усмехаюсь, представляю картину: Женя стоит в подъезде и пялится на Влада в набедренном полотенце. А это имен-

но так, потому, что все вещи Влада прямо сейчас сушатся в стиральной машине.

Что делает Женя в моей квартире утром?

Вешаю полотенце на змеевик. Рука не поднимается отправить его в стирку. Может, вечером, после того как еще раз его понюхаю? «Я нем как рыба!» — издевается внутренний голос.

Выхожу из ванной и, уже находясь в гостиной, отвечаю Владу:

— Гони его, это мошенник, нет у меня никакого мужа!

— Так я и думал! — радостно отвечает Влад.

— Хорошо, бывший муж, — доносится до меня усталый голос Жени. — К чему этот цирк, Поль?

Глава 14

Я выхожу в коридор и не без удовольствия наблюдаю, как глаза бывшего мужа становятся огромными. Отлично, только его мне сейчас не хватало! Это же надо было так подгадать и прийти именно сегодня! У него что, где-то встроенный радар?

«М-м-м... представляю, что он сейчас думает».

Меня захлестывает чувство стыда да так сильно, что я начинаю заливаться краской, а мозг усиленно генерирует идеи для оправданий. В итоге выдает все ту же избитую фразу: «Это не то, что ты подумал». Фраза почти слетает с языка, но я вовремя торможу себя. Я ничего не должна говорить, что бы он ни сделал. Если забыла, то в гостиной на диване лежит синенький документ, где все предельно ясно расписано: «брак прекращен». Выпровожу всех сегодня и повешу на самом видном месте, чтобы почаще напоминать себе, что я свободная женщина и в своем доме могу позволить себе все, даже мужчину в полотенце. Не зря все-таки ночью за рамочкой съездили, ох, не зря!

Опираюсь плечом на косяк и скрещиваю руки на груди. Молчание затягивается.

— Что-то хотел? — произношу я.

— Да, по делу. — Женя чуть приподнимает руку, и я замечаю небольшую черную папку.

Перевожу взгляд на Влада, он почему-то до сих пор стоит в полотенце и никуда не уходит. Интересный мальчик! Так и будет красоваться или все же оденется? Вздыхаю, отталкиваюсь от дверного косяка и жестом приглашаю Женю на кухню, игнорируя «Мистера Набедренное полотенце».

— Кофе на столе, — произносит Влад, когда я прохожу мимо него.

— Спасибо! — Многозначительно смотрю ему в глаза, а после медленно скользя взглядом вниз и вверх.

Влад не понимает намека, но повторяет за мной. Осматривает себя и, хлопнув ладонью по лбу, быстрым шагом направляется в ванную комнату. Сообразил? Неужели?

Женя уже сидит за столом, когда я появляюсь на кухне. Папка лежит перед ним, а он с любопытством рассматривает обстановку. На столе две чашки с кофе, одна из них полупустая — значит, это чашка Влада. По-собственнически двигаю ее к себе и сажусь за стол.

— Бери кофе, это мой, — киваю Жене на чашку.

— Спасибо! — ухмыляется он и добавляет: — Мальчик готовил?

— Да. Влад. Опасаешься?

— Это же твой кофе, сама сказала. Кто он?

— Мужчина... — пожимаю плечами и делаю глоток из чашки.

— Ты его хорошо знаешь?

— Женя! — строго произношу я. — Ты сказал, что по

делу. Я жду.

Ставлю чашку на стол и складываю руки перед собой. Конечно, ему неприятно, но это не повод обсуждать мою личную жизнь. Я же не лезу в их отношения с Олесей.

— Поль, пойми меня: он молодой, смазливый, на альфонса похож.

— А Олеся?

— Что? — недоумевает Женя.

— Олеся твоя ни на кого не похожа?

— При чем здесь...

— Ближе к делу, Жень! — перебиваю я. — Все документы я подписала, возражений ни у кого не было. Что опять?

— Возражений нет, все как ты просила; половина всего имущества в денежном эквиваленте будет у тебя на счете в ближайшее время. Налог платить не придется, все документы оформлены до даты развода. Это... — Он подталкивает папку ко мне. — Тоже твое.

Не спешу. Делаю еще один глоток кофе и только потом аккуратно приподнимаю обложку за уголок. Первым в файле лежит договор на покупку помещения. Листаю дальше. Разрешительные документы, договор купли-продажи...

— Что это?

— Это твое кафе, Поль. Подпиши договор и принимай управление.

Ничего не отвечаю, переворачиваю страницу, читаю. Документы о переводе денег, несколько штук, одни — на мой

личный счет, другие — на оффшорный. Всматриваюсь в суммы и ничего не понимаю. Это вместо того, что положено мне при разделе имущества?

— Жень, что это? — спрашиваю, застыв над документами. — Перевод моей доли?

— Нет, это отдельно, от меня лично. Все, что положено по суду, ты тоже получишь.

— Откупаешься? — горько усмехаюсь я

— Понимай, как хочешь. Я поступил гадко, но исправить уже ничего не могу. Не захочешь заниматься кафе — продай.

— А я приму, Жень, хоть и понимаю, зачем ты это все делаешь.

— Так я хотя бы буду уверен, что ты ни в чем не нуждаешься

Я пребываю в некотором шоке. Часть меня бунтует против такой подачи и требует, гордо вздернув нос, отказаться, швырнуть эту папку в лицо бывшему мужу, а другая шепчет: «Все правильно, бери, ты слишком много вложила в этот бизнес». Вложила слишком много, а потеряла еще больше. В глазах начинает щипать, но я ни за что не расплачусь сейчас. Только не перед ним! Зажмуриваюсь и пытаюсь подумать о чем-то хорошем. Получается с трудом. Слышу, как хлопает входная дверь, и открываю глаза. Влад ушел, даже не попрощавшись, и это становится последней каплей.

— У тебя все?

— Прости меня, Поль, — тихо произносит Женя, и меня

прорывает.

Слезы текут по щекам, и я ничего не могу с собой поделаться. Мне становится так обидно за себя, за то, что все разрушено, а новое я вряд ли построю: не смогу, да и поздно, слишком поздно что-то строить. Столько лет прожить с одним человеком и в тридцать четыре года остаться одной! Вот уж повезло так повезло! Обида сменяется злостью, что все теперь будет, но не у меня, я теперь сама по себе. Слова Жени прозвучали в голове как насмешка: «Буду уверен, что ты ни в чем не нуждаешься». Вот и все, Полина, живи как знаешь, тебе щедро заплатили за твою спущенную в унитаз жизнь.

— Поль, ты чего? Поль?..

Женя вскакивает со стула и пытается обнять меня, но я не позволяю, мотаю головой и машу руками, как сумасшедшая.

— Уходи, Жень, просто исчезни из моей жизни! Я приняла твою плату, теперь с чистой совестью можешь бежать к своей Олесе!

— Нет никакой Олеси! — Он мрачнеет.

В голове проносятся дурацкие мысли, я даже прекращаю реветь. Что он такое говорит?!

— Как — нет?!

— Ребенок не от меня, я настоял на тесте.

Бум! — Словно удар по голове

Я начинаю задыхаться, перед глазами плывут круги, а Женя продолжает говорить. Разобрать, что именно, не получается. В ушах словно что-то булькает. Смотрю на него так

внимательно, что даже моргнуть боюсь. Как?! Как он мог променять нас на какую-то девицу?! Как он мог?! С Олесей все понятно: искала вариант повыгоднее. А что искал Женья? На что повелся и не разглядел ее истинное лицо?

— Почему ты решил сделать тест? — хриплю я.

— Приехал без предупреждения к ней домой и все сам увидел.

После всего, что произошло, я же должна что-то сказать, уколоть больнее? Я подготовила столько обидных слов, пока ночами рыдала в подушку. Где же они?

Хотела увидеть его убитым, сломленным?

Хотела, а сейчас смотрю и молчу. Похудевший, с синими кругами на пол-лица...

Он и так себя уже раз сто четвертовал и проделает это еще не раз.

Глава 15

Звонок в дверь заставляет меня проснуться. Кто же это посмел заявиться в такую рань?! Пытаюсь не реагировать, зажимаюсь, чтобы еще хоть немного насладиться сном, но очередная трель не оставляет шансов.

Натягиваю плед на голову и с сожалением наблюдаю, как картинки теплого и романтического Парижа начинают блекнуть, а после и вовсе растворяются под натиском идиотской мелодии звонка. С трудом открываю глаза, чувствуя легкий зуд и дискомфорт, веки словно накачаны свинцом. Опухли? Аккуратно трогаю их руками — так и есть. Отек сильный, верхнее веко на ощупь, как колбаска.

Вспоминаю, как вчера после ухода Жени часа два сидела на кухне, листала папку с документами, подсчитывала нули и ревела. Дорого же он оценил наш развалившийся брак, очень дорого! Чтобы хоть как-то отвлечься, изучала документы по кафе. Надо будет сегодня туда наведаться, все проверить и познакомиться с персоналом. Пока размышляю, еще раз дотрагиваюсь до воспаленных глаз и с грустью отмечаю: не сегодня. Реакция персонала на мой внешний вид будет неоднозначной.

— Завтра, — вздыхаю и тянусь за ежедневником.

Он лежит на столике у дивана, там же нахожу папку с документами и ручку. Забираю все, сажусь по-турецки и наки-

дываю плед на спину.

— Итак, — произношу вслух, открывая блокнот и снимая зубами колпачок с ручки, — завтра осмотр кафе.

Записываю время и адрес, одновременно прикидывая, как долго придется добираться. Надо бы свет включить. Почему так темно? Когда рассветет уже? Осматриваюсь в поисках телефона и нахожу его на полу.

— Все как обычно! — ухмыляюсь я.

Похоже, привычка бросать телефон на пол прижилась. С тех пор как я уволилась с работы, мне мало кто звонил, а официальный развод вычеркнул из списка контактов еще с десяток «друзей». Так что моему будильнику и по совместительству телефону самое место на полу.

Новая трель звонка заставляет меня вздрогнуть. За несколько минут тишины я почти обрадовалась, что незваный гость ушел. Интересно, кто там такой настойчивый?

Разблокировав телефон, слегка жмурюсь от яркой подсветки. Дверной звонок продолжает разрываться, а я пытаюсь сфокусировать взгляд на экране. Чтоб вы там себе весь палец отдавили!

— Что непонятного?! — ругаюсь я. — Нет никого! Вчера я выполнила недельный план по гостям, поэтому объявляю сегодня неприятный день. Слышите?! Не-при-ем-ный!

21:30. Впадаю в ступор, увидев время на экране. Вечер? Отлично выпалась, сейчас было бы неплохо понять: это вечер, который сегодня, или уже вечер завтрашнего дня? Ну и

дверь открыть, конечно, придется. Чувствую, если не остановить этого гостя с железной волей, то минут через десять соседи вызовут полицию.

Иду открывать дверь в том же халате, в котором была вчера утром... или сегодня? С этим разберемся. Под халатом — ничего, в руке — телефон, а в голове — огромный перечень маршрутов, куда можно отправить того, кто помешал мне досмотреть сон о Париже и насладиться одиночеством.

Поворот замка, щелчок... Открываю дверь, сжимая одной рукой ворот халата у шеи, и замираю. Сначала рассматриваю красивый букет и только потом перевожу взгляд на гостя.

— Влад?

— Да, Малыш. — Он окидывает меня внимательным взглядом с ног до головы и, кажется, чуть дольше задерживается на лице. — Почему так долго не открывала?

— Хотелось побыть одной, но кто-то не понимает намеков.

— А я переживал, поэтому был так настойчив. Мало ли чем мог закончиться утренний визит бывшего мужа...

— Все в порядке, как видишь... — Чуть поворачиваюсь, демонстрируя себя, и мысленно отмечаю: значит, сегодня все было, и сейчас вечер.

— Проверим.

С этими словами в мою грудь впечатывается букет, и я успеваю только ойкнуть. Не двигаюсь, но Влад разжимает руки, и я в последний момент обхватываю бумажную упаковку.

ку, не давая цветам упасть. Срабатывают инстинкты. Пока собираюсь с мыслями, чтобы возмутиться, Влад протискивается в приоткрытую дверь, нагло тесня меня в сторону.

— Ты что творишь?! — возмущаюсь я шепотом, стараясь, чтобы меня не было слышно в подъезде.

— Решил компенсировать. Утром не получилось позавтракать, вот. — Он демонстрирует два бумажных пакета. — Готов заменить ужином. Держу пари, у тебя в холодильнике все без изменений.

— Может, стоит спросить у меня, хочу ли я этого? Может, я видеть никого не хочу? — злюсь и незаметно для себя повышаю голос: еще бы, он рылся в моем холодильнике!

— Закрывай дверь, если не хочешь стихийного собрания соседей у твоей квартиры, и пошли на кухню. Кормить тебя буду.

— Тебя ничто не смущает? — возмущенно бросаю ему в спину, но дверь все-таки закрываю.

Влад ничего не отвечает, а лишь по-хозяйски выкладывает все продукты на стол, окидывает взглядом получившуюся кучу и начинает раскладывать все по местам. Его не смущает мое присутствие, наоборот, он периодически спрашивает, куда положить сахар или кофе. Я отвечаю, и вместо того чтобы орать и выгонять его из квартиры, подхожу к столу и начинаю помогать.

— И чем же ты собрался меня кормить? — спрашиваю я и кручу в руках банку консервированного тунца.

— Ужин вон в том пакете, можешь разогреть, а это, — кивает на банку в моих руках, — завтра на завтрак будет.

Я закашливаюсь и не сразу нахожу, что ответить. Завтрак? Он собирается здесь завтракать?

— Разве я приглашала тебя на завтрак? — спрашиваю я и одновременно ловлю себя на том, что рассматриваю его.

Фигура, конечно, шикарная, и этот самец знает и пользуется этим, не стесняясь. Вот и сейчас черная обтягивающая футболка не оставляет простора для фантазии, и я откровенно пялюсь на его спину. Ведь специально так оделся, уверена.

— Пригласи. — Влад поворачивается ко мне и нагло улыбается, пока я считаю кубики на его прессе.

Конечно, он перехватывает мой взгляд и отлично понимает, что мне нравится то, что я вижу. Только вот мне совсем не нравится моя реакция на этого мужчину. Стоп, какой мужчина? Мальчик.

«Сколько ему? — вспоминаю утренний разговор и высчитываю: минус восемь? — Двадцать шесть. Двадцать шесть, Полина!»

Прикрываю глаза, чтобы не видеть его и трезво посмотреть на ситуацию. «Ужин ни к чему не обяжет, выгонять его сейчас не совсем красиво. Парень старался, покупал продукты, заботился. Если бы не он, ты бы сейчас жевала какой-нибудь бутерброд».

С ужином решили, а завтрак?

Нет, категорически!

Супер.

— Так ты будешь греть ужин? — Открываю глаза и сразу тону в его серо-голубом омуте. — А то мы так в клуб опоздаем.

— В клу-уб? — медленно проговариваю я.

— У друга день рождения, и я хочу пойти с тобой. Не отказывайся, — почти умоляет он.

И я не отказываюсь.

Глава 16

Как так у него получается? Или это я после развода размякла? Не знаю, но то, что мы поужинали и теперь я стою перед шкафом, выбирая, в чем поеду в клуб с мальчиком праздновать день рождения еще одного мальчика, меня беспокоит, и сильно.

— Нет, это не подойдет: компания молодежная, меньше пафоса. А это? — Я кручу перед собой белое атласное платье, отделанное черным кружевом. Вроде красивое и без намеков на статус и возраст.

«Какие намеки, Полина?! Тебе не двадцать шесть, и платьем этого не скроешь. Что ты хочешь показать, одевшись, как ровесница Влада? Что ты еще о-го-го и все можешь? Так ведь не все, сама понимаешь. Что ты можешь предложить такому мальчику, как Влад? Секс? А он? Красивое тело, адреналин и хорошее настроение, — пыжусь, перечисляя, а потом ржу над собой вслух, чем привлекаю внимание Влада, и честно себе отвечаю: — Секс, Полин. Он может дать тебе только качественный секс без обязательств. Семья, дети, серьезные отношения — все у него будет, но не с тобой. Развлечется и исчезнет из твоей жизни так же внезапно, как и появился». — Упираюсь лбом в торец дверцы шкафа и вздыхаю, а секса-то как-то не очень и хочется. Может, ну его, Влад, клуб, завтраки с ужинами?

Возвращаю выбранное платье в шкаф, но не закрываю дверцу. Провожу рукой по ткани и почти мурлычу от того, как кончики пальцев, скользя по атласу, приятно впитывают его холодность. Воображение подхватывает идею и дорисовывает продолжение, в котором горячие ладони Влада сминают прохладную шелковую гладь. Ткань скользит вверх по бедру, приятно щекоча кожу, сердце ускоряет ритм, а изо рта вырывается тихий вздох. Нежный атлас сменяют сильные мужские руки, они смело касаются чувствительной кожи...

— Полин, ты идешь?

«Умеет же он появляться в нужный момент!» — про себя фыркаю я, а вслух произношу: — Не знаю.

— Нечего надеть? — смеется он. — Давай помогу.

Влад быстро пробегається взглядом по моему гардеробу и достает из шкафа то самое платье-комбинацию, которое я только что-то туда вернула.

— Не много ли ты себе позволяешь? — Встав в позу, я забираю вешалку у него из рук.

Не переставая улыбаться, Влад делает шаг назад и поднимает руки, призывая успокоиться. Он улыбается, черт бы его побрал! Что смешного я сказала?! Злюсь, пытаюсь повесить платье обратно, но у меня не получается.

— Да что же ты будешь делать!

Платье летит на кровать. Скрестив руки на груди, перевожу гневный взгляд с улыбающегося Влада на перегородку, отделяющую спальню от гостиной. Сквозь квадратные окош-

ки рассматриваю гостиную, кухню и злюсь. Понимаю, что надо успокоиться, дышать ровнее, но вместо внутреннего равновесия добиваюсь абсолютно противоположного эффекта. Пальцы то и дело сжимаются в кулаки, а из груди вот-вот вырвется крик.

Казалось бы, что может быть проще — выгнать Влада из квартиры, запереть двери и улечься на любимый диван к телевизору.

А если не выгонять? Если я не хочу этого? Вернее, хочу, но не так сильно, как не хочу.

Что делать в этой ситуации?

Злюсь от ощущения собственного бессилия, от того, что даже простой выбор сделать не получается. Я слишком хорошо понимаю последствия. Или, наоборот, не понимаю?

— Полин, ты не хочешь идти?

— Не хочу, — с облегчением выдыхаю я, — или не знаю, хочу или нет.

— Хорошо, попробуем так, Полин: что плохого в том, что ты сегодня сходишь в клуб и потанцуешь?

— Ничего. Только то, что я пойду туда с тобой и там будут твои друзья.

— Ну если так... — разочарованно разводит руками Влад, а я спохватываюсь и зачем-то начинаю оправдываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.